ВОСПОМИНАНІЯ О БЫЛОМЪ.

I.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ я только-что вышелъ изъ кадетскаго корпуса, слѣдовательно совсѣмъ не зналъ свѣта, или, лучше сказать, ничего не зналъ.

Впрочемъ, если хотите, я зналъ многое. Я изучалъ исторію, географію, тактику, фортификацію, артилерію, алгебру, геометрію, механику, диференціальное и интегральное исчисленія, исторію церкви, естественныя науки, русскую литературу; познакомился немного со всѣми европейскими литературами, т. е. заучилъ множество именъ писателей—и многое еще зналъ я, чего забылъ теперь даже и названіе. Все это, какъ говорится, отхваталъ на экзаменѣ въ теченіе полутора мѣсяца, и отхваталъ, должно быть, изрядно, потому что, безъ всякой протекціи, былъ выпущенъ въ артилерію. Конечно, вскорѣ послѣ экзамена, изъ всей массы наукъ, въ головѣ моей образовался хаосъ, но при всемъ томъ сложилось убѣжденіе, что я многое знаю.

Съ такимъ запасомъ знаній, и съ такимъ убѣжденіемъ о своемъ личномъ достоинствѣ, я прибылъ въ батарею и, къ прискорбію своему, замѣтилъ, что, вмѣсто удивленія, на которое расчитывалъ, каждая моя фраза, каждое исполненіе мною служебной обязанности вызывали, по меньшей мѣрѣ, улыбку, а иногда и непритворный смѣхъ товарищей.—«Ни къ чорту вы, батюшка, не годитесь», сказалъ мнѣ вскорѣ старшій офицеръ батареи, старый поручикъ, и хотя эта фраза была сказана шутливымъ тономъ, и по поводу того, что я оказался непьющимъ и некурящимъ, однако она произвела на меня сильное впечатлѣніе.

Извѣстно, что самый самолюбивый народъ — прапорщики. Съ производствомъ въ слѣдующіе чины, самолюбіе постепенно проя-

вляется въ менѣе смѣшномъ видѣ, и наконецъ приходитъ въ свою нормальную общечеловѣческую величину.

Фраза, сказанная старослуживымъ офицеромъ шутя, имѣла для меня, прапорщика, важныя послѣдствія.

Я рѣшилъ, что товарищи ко мнѣ несправедливы, что, по ихъ мнѣнію, годность и негодность офицера измѣряются количествомъ выпитаго вина и выкуреннаго табаку. Смотря на ихъ поступки и слова подъ впечатлѣніемъ такой мысли, я прекратилъ съ ними сношенія. Мнѣ не нравился взглядъ ихъ на жизнь.

Спустя нѣсколько лѣтъ, разсуждая объ этомъ первомъ самостоятельномъ своемъ дѣйствіи, я пришелъ къ заключенію, что поступилъ тогда крайне опрометчиво. Я лишилъ себя возможности пользоваться опытностью товарищей, и принужденъ былъ добиваться до всего самъ, дѣлая на каждомъ шагу промахи. Но тогда мнѣ казалось, что я избралъ самый благой путь, и хотя подъ-часъ брало раздумье, однако я отгонялъ его какъ слабость и видѣлъ въ отказѣ отъ принятаго разъ направленія униженіе собственнаго своего достоинства. Со временемъ я втянулся въ замкнутую жизнь, и теперь, признаюсь, затрудняюсь рѣшить: хорошо ли я поступилъ тогда или дурно?

Отдалившись отъ общества офицеровъ батареи, я видѣлся съ ними только по службѣ и иногда за обязательнымъ обѣдомъ у батарейнаго командира. Я предался чтенію и охотѣ. Нечего и говорить, что, при такомъ образѣ жизни, я, въ теченіе года, пріобрѣлъ очень мало служебной и житейской опытности. Вырвавшись на свободу послѣ девятилѣтняго заключенія въ корпусѣ, мнѣ казалось, я никогда не насыщусь ею вдоволь, и потому изо дня въ день или бродилъ въ лѣсу и въ степи, или закупоривался въ своей грязной хатѣ и читалъ все, что попадало подъ руку.

При такихъ условіяхъ застало меня въ 1852 году извѣстіе о предстоящемъ походѣ въ Чечню. Я не зналъ, что такое походъ, въ чемъ состоятъ его трудности и, къ стыду своему, не зналъ даже гдѣ эта Чечня, въ которой мнѣ предстояло дебютировать на боевомъ поприщѣ. Свѣдѣнія мои, по этому предмету, ограничивались тѣмъ, что я успѣлъ схватить изъ разговоровъ, послѣдовавшихъ за объявленіемъ похода, т. е. что намъ предлежитъ сорокадневное путешествіе до крѣпости Грозной. Но что я встрѣчу на новомъ для меня поприщѣ, къ чему долженъ приготовиться, объ этомъ я ничего не узналъ и, послѣ долгихъ безполезныхъ обсужденій, рѣшилъ, что надо укладываться.

— «Что вы? уже въ походъ собираетесь»? сказалъ Ш*, зайдя въ

мою квартиру и любуясь, съ какимъ стараніемъ я укладывалъ весь свой скарбъ въ чемоданы.—«Да вы никакъ цѣлымъ домкомъ подымаетесь? Что же вы не укладываете вотъ это?» смѣясь показалъ Ш* на единственную мою мебель—вольтеровское кресло.—«Вы, кажется, и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что съ нами пойдутъ четыре подъемныхъ повозки, какъ помѣщено въ канцелярскихъ спискахъ. Разувѣрьтесь!.... Это для фуражнаго довольствія ихъ столько значится; въ дѣйствительности же пойдутъ двѣ, на которыхъ повезутъ наши вещи и солдатскія. Этакъ вы рискуете потерять половину вещей; ихъ безцеремонно бросятъ при первомъ тяжеломъ переходѣ. Берите-ко самое необходимое изъ бѣлья и платья, да войлокъ и подушку; остальное запечатайте, да сдайте въ батарейный цейхгаузъ».

Я былъ благодаренъ Ш* не столько за совѣтъ, сколько за то, что онъ, навѣстивъ меня, сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію. Одиночество мнѣ надоѣдало, и я искалъ случая сблизиться съ кѣмъ нибудь; но самолюбіе не позволяло сойтись съ тѣми, кого я добровольно оставилъ. Признаться, я много расчитывалъ на походъ, гдѣ какая нибудь случайность могла послужить поводомъ къ примиренію съ товарищами, и вотъ почему я постарался воспользоваться посѣщеніемъ Ш* и стать въ лучшія къ нему отношенія. Я и прежде мѣтилъ на этого офицера, да притомъ онъ былъ назначенъ моимъ походнымъ товарищемъ. Я послѣдовалъ его первому совѣту и, послѣ незначительнаго настоянія съ его стороны, далъ слово во всѣ критическія минуты обращаться къ нему, какъ къ старому и опытному офицеру. Другимъ товарищемъ перваго моего похода былъ поручикъ Д*. Характеристики этихъ лицъ я коснусь въ другомъ мѣстѣ моего разсказа.

Дивизіонъ долженъ былъ выступить изъ-подъ Ставрополя въ послѣднихъ числахъ ноября и къ первому января быть въ крѣпости Грозной. За неимѣніемъ вблизи Ставрополя батарейныхъ орудій, съ которыми мы должны были вступить въ отрядъ, мы отправились налегкѣ, съ одними зарядными ящиками, наполненными, вмѣсто зарядовъ, овсомъ. Необходимыя для запряжки орудій лошади велись въ поводу, и люди, для сбереженія здоровья, были посажены верхомъ, такъ что изъ дивизіона артилеріи образовалась безпорядочная кавалерія, конвоировавшая зарядные ящики.

Путешествіе наше по селамъ государственныхъ крестьянъ не представляло ничего интереснаго. Однообразная степь, широко раскинувшіяся села, пьяные засѣдатели, соглашавшіеся, послѣ порядочнаго возліянія Бахусу, дать высокія справочныя цѣны на продовольствіе

лошадей, безтолковая дѣятельность дивизіонера, желавшаго изъ нашей безпардонной команды сформировать что-то похожее на строй, все это, безъ измѣненія, тянулось до станицъ, поселенныхъ по рѣкѣ Тереку.

Терскія станицы, несмотря на недавнее мое прибытіе на Кавказъ, были мнѣ знакомы по слухамъ, не столько, впрочемъ, относительно расположенія и значенія ихъ какъ военныхъ поселеній, сколько по причинѣ своеобразнаго и свободнаго образа жизни ихъ красивыхъ обитательницъ. Молва о красотѣ гребенскихъ казачекъ встрѣчала тогда каждаго прибывающаго на Кавказъ молодаго офицера. Давно поселенные по Тереку казаки, большею частію старообрядцы, такъ сблизились съ пограничными горскими племенами, что, усвоивъ себѣ многіе ихъ обычаи, приняли въ первое время поселенія и обычай похищать женъ, что исполняли съ успѣхомъ въ предѣлахъ своихъ учителей. Такимъ путемъ горянки внесли элементъ своей красоты въ красивый и безъ того типъ казачій, и по этой-то причинѣ население терскихъ станицъ довольно рѣзко отличается красотою отъ прочихъ жителей сѣвернаго Кавказа.

Скоро мнѣ пришлось убѣдиться въ основательности слуховъ о «гребенчихахъ», какъ ихъ называютъ; но, кромѣ того, мнѣ довелось узнать и другое, о чемъ молва умалчивала. По приходѣ въ станицу Николаевскую, я былъ такого мнѣнія о красивыхъ казачкахъ: народъ онѣ лихой, умѣютъ пользоваться своею молодостью, а еще больше неопытностью другихъ. Мнѣніе это составилось подъ вліяніемъ того грустнаго факта, что у меня не оказалось ни гроша денегъ въ карманѣ, и, вступая въ предѣлы, гдѣ должна была начаться моя боевая жизнь, я не зналъ, на что завтра пообѣдаю. Мнѣ приходили на память слова Лермонтова «плохой каламбуръ....» и я никакъ не могъ разогнать свое грустное настроеніе. Кстати о Лермонтовѣ.

Въ мое время самымъ популярнымъ руководствомъ для изученія Кавказа были сочиненія Лермонтова. Потому ли, что изъ нихъ можно было больше узнать о Кавказѣ, чѣмъ изъ учебниковъ, или живой разсказъ автора «Печорина» производилъ обаятельное впечатлѣніе на молодые умы, не берусь рѣшить: вѣрно то, что всѣ выходившіе изъ корпуса на Кавказъ считали обязанностью купить сочиненія Лермонтова, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, при именахъ встрѣчающихся у Лермонтова, я тотчасъ же припоминалъ его стихи и свѣрялъ описаніе съ дѣйствительностію. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, я былъ на столько поглощенъ житейскими расчетами, что перешелъ мостъ чрезъ Терекъ не вспомнивъ даже

«Терека прыгающаго какъ львица», и очнулся только за предмостнымъ укрѣпленіемъ, гдѣ колону начали приводить въ порядокъ.

До Горячеводска, какъ оказалось впослѣдствіи, всѣ предосторожности были лишнія. Здѣсь, даже въ то время, свободно проѣзжали безъ конвоя и рѣдко случалось несчастіе съ какимъ-нибудь беззаботнымъ путникомъ, подкарауленнымъ мирными горцами. Поднявшись на Качкалыковскій хребетъ, мы нашли тутъ ожидавшую насъ колону, высланную изъ Грозной, и сдѣлали привалъ.

Отсюда открылась обширная долина рѣки Сунжи..

Крѣпость Грозная виднѣлась вдали за Нефтяною башнею, находившеюся отъ насъ верстахъ въ семи. Я жадно схватился за зрительную трубку и направилъ ее на Грозную, предполагая, по ея строителю (Ермоловъ) и по названію, увидѣть что нибудь грандіозное; но былъ крайне разочарованъ непредставительнымъ видомъ крѣпости. Земляной валъ, опоясывавшій стройные ряды бѣлыхъ казенныхъ зданій, примыкавшая къ нему, въ безпорядкѣ построенная, слободка и въ ней два-три покровительственно возвышавшихся каменныхъ дома—вотъ все что носило названіе Грозной. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о непріятелѣ и о его средствахъ и видя въ первый разъ кавказскую крѣпость, валы которой довольно отчетливо отражались въ стеклѣ трубки, я невольно задалъ себѣ вопросъ: какое значеніе, въ военномъ отношеніи, можетъ имѣть подобное укрѣпленіе и что подало поводъ дать ему столь громкое названіе? Я уже началъ сравнивать систему постройки Грозной съ системами Вобана, Кормонтена и другихъ знаменитыхъ инженеровъ, еще свѣжихъ тогда въ моей памяти, какъ вдругъ....

— «Въ ящичекъ, въ ящичекъ заходите»! прервалъ мои размышленія начальникъ колоны. Тутъ только я увидѣлъ, что всѣ пришедшія войска, ставъ въ ружье, образовали правильный четырехугольникъ, боковыя стороны котораго были въ нѣсколько разъ длиннѣе поперечныхъ. Я исполнилъ желаніе вѣжливаго начальника и вошелъ въ квадратъ. За артилерійскими ящиками расположились ящики подвижнаго парка, тоже слѣдовавшіе въ отрядъ, а за ними, съ крикомъ и бранью, начали разставлять всевозможныхъ родовъ и видовъ повозки пріѣзжавшихъ на линію для закупки съѣстныхъ припасовъ.

Приведеніе въ порядокъ нестроевой команды затрудняло всѣхъ колонныхъ начальниковъ, и, кажется, ни одному изъ нихъ не удавалось разрѣшить окончательно эту задачу. Порядокъ сохранялся всегда на четыре, много на пять, верстъ, потомъ желаніе каждаго протискаться ближе къ головѣ колоны превращало ее въ безпоря-

дочную толпу, что заставляло останавливать и вновь перестраивать колонну; при этомъ бранныя слова и удары нагаекъ конвоя начальника колонны сыпались градомъ. Съ прибытіемъ къ станицѣ, или крѣпости, никакія человѣческія силы не въ состояніи были сохранить порядокъ. Фурштаты и торговки прорывались чрезъ ряды войскъ и во всю прыть неслись къ воротамъ станицы. При настоящемъ движеніи, тылъ былъ обезпеченъ стройными рядами зарядныхъ ящиковъ, но передъ Грозной и они не выдержали напора сзади и, волей-неволей, должны были дать мѣсто проскакивавшимъ повозкамъ.

По приходѣ въ Грозную, мы три дня были заняты пріемкою артиллеріи и снарядовъ, а потомъ началось пріученіе прислуги къ батарейнымъ орудіямъ, которыхъ иные изъ солдатъ еще не видывали.

Здѣсь я намѣренъ познакомить читателя съ моими походными товарищами. Говорятъ, самое трудное дѣло писать характеристику лицъ: для этого надо быть психологомъ, физіологомъ, краніологомъ, физіономистомъ и т. п.

Пусть такъ! Я, однако, не имѣю притязаній ни на одно изъ требуемыхъ условій, а постараюсь только воспроизвести вѣрный оригиналъ.

Первый, по старшинству, поручикъ Д*. Охарактеризовать его можно было бы тремя словами; но пришлось бы употребить слишкомъ рѣзкія выраженія, непринятыя въ печати, что и заставляетъ меня злоупотребить снисходительностью читателя и остановить его вниманіе на этой личности.

Армянинъ родомъ, Д* выдавалъ себя за грузина, считая, неизвѣстно почему, истинную національность свою слишкомъ зазорною. При самомъ ограниченномъ умѣ, онъ отличался карикатурною наружностью; но, по слабости свойственной всѣмъ, кого, какъ говорится, природа обидѣла лицемъ, Д* чрезвычайно былъ занятъ собою и имѣлъ высокое мнѣніе о своихъ личныхъ достоинствахъ. Появленіе его въ кружкахъ младшихъ офицеровъ всегда вызывало рядъ остротъ и насмѣшекъ, приводившихъ его въ безсильную злобу. Въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ старшинству своему въ чинѣ и къ опытности, извлеченной изъ долголѣтней службы, что еще болѣе подстрекало молодежь трунить надъ поручикомъ. Встрѣчая постоянно самый недружелюбный пріемъ въ кругу товарищей, что, разумѣется, не укрылось отъ солдатъ, Д* съ каждымъ днемъ утрачивалъ вліяніе на нижнихъ чиновъ и долженъ былъ свое начальническое положеніе поддерживать строгостью, проявлявшеюся въ самыхъ безобразныхъ наказаніяхъ. Съ подчиненными онъ не говорилъ иначе, какъ тономъ авторитета, и

даже наружности своей старался придать подобающую величественную осанку, вслѣдствіе чего его фигурка дѣлалась еще смѣшнѣе.—«Д* начинаетъ ершиться», обыкновенно говорили о немъ въ подобныхъ случаяхъ. И, дѣйствительно, ни къ кому это выраженіе не могло быть приложено такъ мѣтко, какъ къ нему. Самая наружность Д* наталкивала на это слово: жесткій чубъ, торчавшій въ спокойномъ состояніи вверхъ, въ состояніи «ершенія», если можно такъ выразиться, подавался на линію длиннаго носа, чрезмѣрно выдвинутаго впередъ, и закрывалъ маленькій плоскій лобъ. Нравственныя качества Д* не уступали безобразіямъ его наружности: искательный, унижающійся предъ старшими, онъ съ улыбкой переносилъ всякаго рода щелчки, имѣя въ виду одну цѣль—выслужиться. За то щелчки вымѣщались на безотвѣтныхъ солдатахъ. Если прибавить къ этой характеристикѣ скупость армянина и совѣсть картежнаго игрока, то портретъ Д* будетъ готовъ. О подвигахъ его на зеленомъ полѣ ходили разные скандальные слухи, и напоминаніе о нихъ употреблялось какъ послѣднее средство обратить Д* въ бѣгство.

Совершенною во всемъ противоположностью былъ другой мой товарищъ—русскій-нѣмецъ Ш*. Подобныя личности, кажется, только и могутъ выработаться изъ соединенія лучшихъ качествъ этихъ двухъ народностей. Со свойственными нѣмцамъ мягкостью, подчасъ сантиментальностью, и съ хладнокровіемъ онъ соединялъ русское добродушіе и привычку жить размашисто. У него никогда не было копѣйки въ карманѣ, и онъ, въ буквальномъ смыслѣ, не заботился о завтрашнемъ днѣ. Нуждаясь самъ, онъ не могъ отказать другому нуждающемуся, отъ чего получаемаго жалованья доставало ему не болѣе какъ на недѣлю. Постоянно веселый въ кругу товарищей, Ш* охотно принималъ участіе во всѣхъ затѣяхъ. Хорошій разсказчикъ и даровитый карикатуристъ, онъ необыкновенно вѣрно передавалъ всѣ смѣшныя сцены.

Поступки Д*, къ которому Ш* питалъ презрѣніе, служили неисчерпаемымъ источникомъ его карикатуры. Вся жизнь Д*, со дня выхода его изъ корпуса, со всѣми ея превратностями, вошла въ альбомъ Ш*, и альбомъ этотъ, каждодневно пополнявшійся, доставлялъ намъ лучшее развлеченіе въ скучные зимніе вечера.

Необыкновенная доброта Ш* больше всего выказывалась въ отношеніяхъ его къ солдатамъ. Въ то время подобное явленіе было довольно рѣдкое; его можно было замѣтить только между тѣми молодыми офицерами, которые, по выходѣ изъ корпуса, составляли всегда безсильную опозицію противъ старыхъ служивыхъ, привык-

шихъ къ жестокимъ наказаніямъ. Ш* стоялъ всегда во главѣ этой опозиціи, и потому неудивительно, что онъ былъ любимъ и уважаемъ и товарищами, и солдатами. Мы смотрѣли на него, какъ на бойца за тѣ начала, которыя, рано или поздно, должны были установиться въ отношеніяхъ начальниковъ къ подчиненнымъ солдаты же, по привычкѣ выражать свою симпатію къ начальнику безусловнымъ исполненіемъ приказаній, старались наперерывъ другъ передъ другомъ исполнять малѣйшее желаніе Ш*. Фраза, часто слышавшаяся между солдатами въ разговорахъ о Ш*: «за него мы готовы и въ огонь, и въ воду!» была не фразой, а выражала дѣйствительную готовность солдатъ броситься очертя голову за любимаго офицера. Такое расположеніе солдатъ къ Ш*, весьма естественно, не могло нравиться Д*: оно вызывало, съ его стороны, несправедливыя нападки на людей. Ш* видѣлъ это, и всегда старался, ласковыми словами или шутливымъ разговоромъ съ несправедливо-наказаннымъ, изгладить впечатлѣніе, произведенное наказаніемъ.

При всѣхъ такихъ качествахъ Ш* былъ необыкновенно честенъ. Всякая подлость возмущала его до глубины души; но и тутъ онъ не терялъ своего хладнокровія и разсудительности и, по примѣру другихъ, не бросалъ грязью въ лицо виновнаго; напротивъ, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, такъ умѣлъ всегда дать почувствовать виновному гадость его поступка, что тотъ не сердился, но въ критическія минуты обращался къ Ш* за совѣтами. Повторяю: въ тогдашнее время, своими отношеніями къ подчиненнымъ, Ш* рѣзко отличался отъ другихъ и, можетъ быть, это и было причиною, что у меня сложилось о немъ такое мнѣніе. Контрастъ всѣмъ его поступкамъ я видѣлъ въ поведеніи Д*.

Болѣе десяти лѣтъ не встрѣчался я съ этими первыми моими товарищами по службѣ; быть можетъ, ихъ нѣтъ уже въ живыхъ; быть можетъ, мнѣ и не слѣдовало бы о нихъ говорить; но, въ оправданіе свое, скажу, что обѣ столь противоположныя личности, какъ первые мои руководители при вступленіи на житейское поприще, имѣли, безспорно, вліяніе на мои нравственныя качества. Одинъ олицетворялъ въ моихъ глазахъ идею всего хорошаго, другой всего дурнаго.

Только съ прибытіемъ въ Грозную началась для меня походная жизнь. Въ крѣпости и въ ея окрестностяхъ сосредоточились всѣ войска, долженствовавшія войдти въ составъ отряда. Отрядъ былъ очень великъ, и потому, съ ранняго утра и до поздняго вечера, Грозная кишила народомъ. Базаръ былъ самый шумный и много-

людный; воровства и драки безчисленны, пьянство непомѣрное. Каждый день мимо оконъ квартиры, занимаемой мною и Ш*, проходили, съ пѣснями и плясками, нѣсколько ротъ въ гости другъ къ другу.

Существованіе этого обычая я замѣтилъ только въ войскахъ лѣваго фланга. Всякая рота считала своими кунаками чиновъ роты другаго полка, одной съ нею бригады, и носившую одинъ и тотъ же нумеръ. При встрѣчахъ, кунаки обмѣнивались вѣжливостью, выражавшеюся въ обоюдныхъ попойкахъ, что давало возможность тѣмъ и другимъ быть навеселѣ каждодневно. Рота, конвоировавшая колону въ то мѣсто, гдѣ стояли ея кунаки, смѣло могла расчитывать, что къ приходу ея будутъ готовы обѣдъ и чарка водки. Впрочемъ, не въ одномъ хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ заключалось куначество. Кунаки строго блюли интересы и честь другъ друга и украсть у кого-либо изъ кунаковъ считалось большимъ преступленіемъ; за то, въ случаѣ надобности, найти компаньона для воровства въ другой какой-нибудь части кунаки смѣло могли расчитывать другъ на друга. Подобныя отношенія частей войскъ, кромѣ того, что развивали въ солдатахъ чувство товарищества, имѣли большое значеніе и въ хозяйствѣ частей. Часть, отправляясь въ близкую командировку, къ мѣсту расположенія ея кунаковъ, не имѣла надобности таскать за собою продовольствіе для себя и для своихъ лошадей; слѣдовательно, не для чего было дробить хозяйство на мелкія части, что, конечно, выгодно отражалось на общей экономіи. Не знаю, существовалъ-ли этотъ обычай въ войскахъ Дагестана и закавказскаго края, но въ войскахъ праваго фланга его не было. Здѣсь сплошь и рядомъ случалось, что пришедшія части голодали до тѣхъ поръ, пока не являлся обозъ съ котлами и пока кашевары не успѣвали сварить какую-нибудь похлебку, что продолжалось часа два, три, а иногда и больше.

—«Вѣдь я тебя знаю; ты, братъ, свинья. Ты знаешь, гдѣ мой чересокъ, вотъ я засну, ты и облапошишь».—«Самъ ты свинья, какъ погляжу; съ-пьяна забылъ, что я твой кунакъ».—«И то правда! Ну, братъ, извини! Пойдемъ въ духанъ».

Слыша подобный разговоръ, я прежде недоумѣвалъ, что это за слово, гарантирующее даже пьянаго солдата и произнесенія котораго достаточно было, чтобы его успокоить. Но когда узналъ значеніе его, то понялъ, что, дѣйствительно, солдатъ могъ смѣло напиваться, не опасаясь быть обобраннымъ. Не тотъ, такъ другой кунакъ присмотритъ.

Стоянка въ Грозной обѣщала быть продолжительной. О выступленіи отряда не было слуха. Офицеры убивали время въ пирушкахъ и за зеленымъ столомъ. Какъ непривлекателенъ показался бы съ перваго взгляда этотъ образъ жизни постороннему наблюдателю! Но, всмотрѣвшись пристальнѣе и разобравши причины породившія подобное препровожденіе времени, можно было проникнуться только чувствомъ сожалѣнія о столькихъ растрачиваемыхъ молодыхъ силахъ. Многіе изъ добрыхъ и дѣльныхъ моихъ товарищей погибли въ этомъ омутѣ, заплативъ здоровьемъ и притупивъ свои способности. Разъ втянувшись въ него, имъ, при недостаткѣ силы воли, трудно было выбраться на другую дорогу и они пошли тою, на которую ихъ толкнули случай и неблагопріятно сложившіяся обстоятельства.

Жизнь кавказскихъ офицеровъ того времени отнюдь нельзя сравнивать съ жизнью офицеровъ частей, расположенныхъ внутри Россіи. Кавказскій офицеръ, часто прямо съ школьной скамьи поступалъ въ другую школу, гдѣ окружали его всевозможныхъ родовъ лишенія и полное отсутствіе умственной пищи. Заброшенный, съ небольшою командою, въ отдаленное укрѣпленіе или постъ, онъ сразу попадалъ въ кругъ хозяйственной дѣятельности. Но какое могло быть хозяйство сорока или пятидесяти солдатъ, получавшихъ все необходимое изъ штаба разъ или два въ мѣсяцъ? Не всякій и способенъ былъ довольствоваться подобнаго рода дѣятельностію; иной чувствовалъ потребность въ жизни умственной, а для нея-то и не было пищи. Библіотеки состояли при полковыхъ штабахъ, но книгами изъ нихъ могли пользоваться только счастливцы штабные. Просить о высылкѣ какой-нибудь книги офицеру, пропадавшему въ отдѣлѣ, было безполезно; если бы библіотекарь и захотѣлъ, для кого-нибудь, сдѣлать исключеніе, то доставка книгъ въ передовыя укрѣпленія была крайне затруднительна. Собственныхъ же средствъ на покупку книгъ офицеры не имѣли (въ то время офицеры получали ординарное жалованье, которое было меньше настоящаго ординарнаго). И такъ, офицеру, находившемуся въ укрѣпленіи, оставалось довольствоваться тою умственною пищею, которую онъ могъ извлечь изъ бесѣды съ солдатами. Могла-ли удовлетворить его эта пища?.... Предоставляю судить тому, кто зналъ нашего прежняго солдата, не смѣвшаго, въ разговорѣ съ офицеромъ, сказать слова безъ прибавленія «ваше благородіе или высокоблагородіе». Хорошо, если кто обладалъ твердымъ характеромъ и выдерживалъ первые два или три мѣсяца подобной жизни—тотъ спасенъ былъ на будущее время. Но многіе на первыхъ же порахъ или обращались къ всеуспокоивающей водкѣ, дѣлав-

шейся впослѣдствіи для нихъ потребностью, или искали развлеченія въ какомъ-то подобіи семейной жизни и обзаводились сожительницами, готовыми, изъ-за куска хлѣба, повсюду слѣдовать за своими рыцарями. Говорятъ, Ермоловъ сказалъ, что «кавказскій офицеръ непремѣнно долженъ окончить свою карьеру или сдѣлавшись пьяницей, или женившись на женщинѣ легкаго поведенія». Эти слова можно принять за авторитетъ. Ермоловъ такъ долго жилъ жизнью кавказцевъ, что могъ быть компетентнымъ судьею. Былъ-ли неизбѣженъ подобный исходъ или нѣтъ—не о томъ здѣсь рѣчь; я припоминаю слова Ермолова только потому, что тѣхъ, кто оканчивалъ такъ, было бы несправедливо, не говорю, презирать, но даже упрекать: ихъ слишкомъ мало подготовляли къ жизни, чтобы они могли противостать первымъ ея ударамъ. Поставивъ ихъ, даже службой, въ самыя невыгодныя условія, слишкомъ мало заботились о томъ, что изъ этого можетъ выйти.

Веселая жизнь въ Грозной продолжалась изо дня въ день. Спектакль любителей и концерты віолончелистки Христіани, занесенной сюда неизвѣстно какимъ вѣтромъ, давали возможность пріятно проводить вечера. Изрѣдка тревожили части назначеніемъ въ колоны за дровами и для конвоированія обозовъ. Мы до того втянулись въ такую жизнь, что забыли о предстоящихъ трудахъ отряда, хотя и знали цѣль сбора его, занятіе береговъ рѣки Мичика, и знали также, что выполненіе предположенной цѣли встрѣтитъ, вѣроятно, большое сопротивленіе со стороны горцевъ. Движенія князя Барятинскаго и генерала Бакланова въ эти мѣста были еще слишкомъ свѣжи въ памяти.

II.

19-го января 1853 года наша веселая и спокойная жизнь была нарушена приказаніемъ о выступленіи отряда. Куда пойдутъ? зачѣмъ? Признаться, мы мало заботились о томъ. Всѣхъ интересовалъ только вопросъ: долго ли пробудемъ въ экспедиціи; но такъ какъ и этотъ вопросъ не могъ быть разрѣшенъ, по неимѣнію еще знакомства въ штабѣ, то мы послѣдовали примѣру опытныхъ кавказцевъ и принялись укладывать свое походное имущество.

Трудно описать чувства, волнующія молодаго человѣка при объявленіи перваго похода; надобно испытать самому всю прелесть, все обаяніе безпрерывно измѣняющихся ощущеній, чтобы понять и оцѣнить ихъ.

Помню, что я былъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Ты-

сячи предположеній, одно другаго несбыточнѣе, вдругъ осадили мою голову и, наконецъ, перепутались въ ней до того, что я не могъ остановиться ни на одномъ изъ нихъ Все передо мной носилось въ туманѣ, изъ котораго развивались самыя чудовищныя фантазіи. Всѣ самыя неправдоподобныя сцены изъ перечитанныхъ передъ тѣмъ романовъ воплотились въ моемъ воображеніи въ дѣйствительность, и я разыгрывалъ въ нихъ роль главнаго героя. Вотъ войска подходятъ къ аулу.... Аулъ укрѣпленъ; въ немъ суматоха, передвиженіе войскъ (я думалъ, что, ведя упорную войну, горцы непремѣнно должны имѣть хорошо организованныя войска); я начинаю различать своихъ товарищей по оружію, наводящихъ орудіе и, кажется, прямо на меня. «Тѣмъ лучше», думаю; «тутъ то я покажу презрѣніе къ смерти, и поучу другихъ, какъ надобно умирать». Войска наши начинаютъ выстраиваться въ боевой порядокъ. Ко мнѣ подъѣзжаетъ генералъ и спрашиваетъ—«какъ вы думаете: гдѣ лучше поставить вашъ взводъ»? Я начинаю объяснять преимущество анфиладнаго огня и, указывая мѣсто на возвышеніи, лѣвѣе аула, говорю, что, при поддержкѣ двухъ баталіоновъ, взводъ будетъ въ совершенной безопасности, если бы осажденный вздумалъ сдѣлать вылазку. Генералъ смотритъ на меня съ удивленіемъ; находитъ мой отвѣтъ основательнымъ и, отдавая въ мое распоряженіе два баталіона, приказываетъ разставить ихъ, какъ я найду удобнѣе... Генералъ отъѣзжаетъ, сказавъ что-то окружающимъ, вѣроятно обо мнѣ. Ко мнѣ подходятъ баталіонные командиры за приказаніями. Мнѣ совѣстно, что такіе почтенные ветераны подчинены мнѣ, и я затрудняюсь какъ держать себя съ ними. Но, думаю, что же дѣлать? Виноваты требованія службы. Баталіонные командиры могутъ завидовать моему счастію, но не сердиться на меня. Я кончилъ свои распоряженія; войска установлены. Начинается штурмъ.... Атакующія колоны быстро подаются впередъ, но ихъ встрѣчаютъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Я приказываю открыть огонь изъ двухъ орудій моей колоны и непріятельская артиллерія умолкаетъ. Штурмующія войска ободряются, возобновляютъ атаку; но непріятель дѣлаетъ вылазку и въ нашихъ рядахъ видно замѣшательство... Въ эту критическую минуту я дѣлаю атаку во флангъ непріятелю. Горцы смѣшались, бѣгутъ.... мы преслѣдуемъ и, по пятамъ ихъ, врываемся въ аулъ.... Побѣда!...

Генералъ подъѣзжаетъ ко мнѣ, благодаритъ, говоритъ, что побѣдой онъ обязанъ исключительно мнѣ и обѣщаетъ ходатайствовать о наградѣ. Какъ удивится и какъ будетъ завидовать мнѣ старый

поручикъ, сказавшій, что я никуда не гожусь! Но Богъ съ нимъ; я, конечно, постараюсь никогда ему не напоминать объ этомъ; у него могутъ быть дикія понятія, но онъ можетъ быть отличный офицеръ. А съ какою радостью встрѣтятъ меня родные, какъ будутъ гордиться мною!.... Вотъ я подъѣзжаю къ саду, отдѣляющему домъ отъ дороги. Дома все тихо; вѣсть о моемъ отличіи дошла уже до родныхъ и они въ эту минуту, вѣроятно, говорятъ обо мнѣ; повозку я, конечно, оставляю за садомъ и пѣшкомъ пробираюсь въ домъ, что бы сдѣлать мое появленіе неожиданнымъ. Но планъ не удается: садовникъ видитъ меня и, съ крикомъ, «баринъ молодой пріѣхалъ», мчится къ дому. Оттуда бѣгутъ мои старики, сестры; я ихъ обнимаю, цѣлую, отвѣчаю на вопросы, которые мнѣ предлагаютъ со всѣхъ сторонъ, и, помня, что настоящее достоинство должна быть скромность, я, какъ бы нехотя, разсказываю имъ свои боевыя похожденія—и опять начинаются похвалы и цѣлованья...

Ну, а если меня убьютъ? Вѣдь это легко можетъ случиться! Да отчего же непремѣнно убьютъ меня, а не другаго? Сколько разъ бывали иные въ перестрѣлкахъ, да оставались же цѣлы. А если ранятъ? Ну, это другое дѣло! Какъ то даже пріятно быть раненымъ. Хорошо, если бы ранили въ руку; сталъ бы носить ее на черной повязкѣ. Сначала, конечно, родные не замѣтятъ повязки, бросятся ко мнѣ въ объятія, но гримаса отъ боли на моемъ лицѣ заставитъ ихъ обратить на нее вниманіе. Начнутся соболѣзнованія, но я ихъ, разумѣется, тотчасъ же успокою; скажу, что это пустяки, такъ, царапина; докажу, что, напротивъ, можно даже радоваться, что меня ранили: papa даетъ пенсіонъ, а получать пенсіонъ на службѣ—вещь довольно заманчивая. Лѣтъ черезъ пять, подполковникомъ, можно оставить строевую службу, получить мѣсто коменданта и жить себѣ покойно...

— Нѣтъ! тебя не ранятъ, а убьютъ; шепчетъ зловѣщій голосъ. И въ воображеніи моемъ являются носилки, на которыхъ я лежу смертельно раненый. Меня несутъ, окружающіе товарищи хотятъ ободрить меня. Я смотрю на нихъ съ грустной улыбкой: «неужели вы думаете, что я боюсь смерти? мнѣ жаль только, что она огорчитъ родителей...» А кого, кромѣ родныхъ, можетъ огорчить моя смерть? Какъ жаль, что у меня нѣтъ невѣсты, а то и она бы была здѣсь, я и ее успокоилъ бы... И я серьезно задумался, отчего это въ самомъ дѣлѣ у меня нѣтъ невѣсты.

— «Нѣтъ, васъ не убьютъ, и не будете вы фельдмаршаломъ, а такъ-таки прапорщикомъ и возвратитесь домой, цѣлы и невреди-

мы»; брякнулъ вдругъ Ш., незамѣтно войдя въ комнату.—«Экъ вы зафилософствовались, и не слышите, что бьютъ по возамъ. Я думалъ, что вы уже уложились, распорядились и моими вещами, а вы все мечтаете». Мнѣ стало неловко, что товарищъ отгадалъ мои мысли, и я началъ оправдываться какъ школьникъ, пойманный врасплохъ. Ш* разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ и тутъ же принялся за укладку нашего имущества.

Минутъ черезъ пятнадцать войска начали выходить за крѣпость по направленію къ Горячеводску. Повозки поодиночкѣ тянулись со всѣхъ концовъ; нѣкоторыя изъ нихъ пополнялись и увязывались уже на дорогѣ, къ великому неудовольствію фурштатовъ. Базаръ разомъ наполнился солдатами, словно каждому именно въ эту минуту оказалось необходимымъ купить что нибудь передъ походомъ. Бойкія бабы - торговки предлагали проходящимъ горячія булки и пироги; па ихъ счетъ, подъ-часъ, слышались изъ рядовъ остроты, довольно циническаго свойства; но это нимало не останавливало, привычныхъ къ тому, торговокъ: онѣ безцеремонно отшучивались и вновь проходящимъ командамъ опять дѣлали свои предложенія. Около духановъ шли братскія разставанія гулякъ, и ефрейторы съ трудомъ могли усмотрѣть, чтобы кто нибудь не вырвался изъ рядовъ. Бубны и тулумбасы загремѣли во всѣхъ концахъ Грозной и воздухъ наполнился какимъ-то гамомъ, въ которомъ едва можно было отличать отдѣльный звукъ. Весь гамъ перешелъ и за крѣпость, гдѣ солдаты составили ружья, въ ожиданіи начальника. Скоро пріѣхалъ генералъ Форстенъ; войска заняли назначенныя имъ мѣста, и отрядъ, съ пѣснями, двинулся по направленію къ рѣкѣ Аргуну, правѣе горячеводской дороги.

Вечеромъ мы дошли до Аргуна и начали располагаться лагеремъ. Нѣсколько одиночныхъ горцевъ разъѣзжали передъ нашей цѣпью и вели съ ней вялую перестрѣлку. Вдали виднѣлся дымъ маяковъ, извѣщавшихъ жителей ауловъ о нашемъ прибытіи и о вѣроятномъ направленіи нашихъ войскъ. Въ стянувшемся отрядѣ вся артиллерія была поставлена на берегу рѣки и открыла безполезную пальбу по одиноко разъѣзжавшимъ всадникамъ. Выстрѣлы раздались, громкимъ эхомъ, по всѣмъ ущельямъ и послужили самымъ лучшимъ сигналомъ для сбора горцевъ. Дѣйствительно, скоро мы увидѣли ихъ скачущими по всѣмъ направленіямъ и усилили огонь. Но начинало уже темнѣть, и потому непріятель не рѣшился предпринять что-нибудь серьезное. Къ ночи выстрѣлы замолкли; отрядъ, оградивъ себя цѣпью, предался отдохновенію.

— «Неужели всѣ дѣла съ горцами такого рода, какъ-то, въ которомъ я только что участвовалъ»? спрашивалъ я себя, укладываясь въ постель. «Какъ же я читалъ въ газетахъ описаніе кровопролитныхъ перестрѣлокъ, гдѣ горцы являются несокрушимымъ противникомъ, и гдѣ видно, что только одни наши храбрыя войска могутъ справляться съ ними. Или все что печатаютъ о кавказскихъ дѣлахъ вздоръ, или сегодняшняя перестрѣлка только прелюдія завтрашнихъ кровавыхъ схватокъ.... Посмотримъ, что будетъ завтра. Я увѣренъ, что мы будемъ имѣть настоящее дѣло, и что именно завтра должны осуществиться всѣ мои мечты»...

Но утро другаго дня окончательно разочаровало меня. На зарѣ отрядъ снялся съ позиціи и потянулся къ Грозной. Оказалось, что наше движеніе было только диверсіей, съ цѣлью отвлечь горцевъ отъ нападенія на Испигуръ (урочище Куринское, которое они собрались разгромить, какъ сообщили лазутчики). Собравшись на рѣкѣ Мичикѣ, они думали сдѣлать на разсвѣтѣ нападеніе на укрѣпленіе или на находившійся близъ него мирный аулъ Истe-су, но, услышавъ канонаду вблизи своихъ ауловъ, разбрелись по домамъ. Цѣль движенія была достигнута, что мнѣ было крайне досадно: я попалъ въ отрядъ, имѣвшій назначеніе только отвлечь вниманіе непріятеля, а не встрѣтить и разсѣять его.

Затѣмъ жизнь въ Грозной потекла прежнимъ порядкомъ. Начали поговаривать о скоромъ выступленіи отряда; но никто не зналъ, когда это будетъ. Наше спокойствіе не нарушалось никакимъ особеннымъ происшествіемъ.

Наконецъ 25-го января ожиданія войскъ сбылись: на другой день было назначено выступленіе отряда. Сборы къ выѣзду генералъ-лейтенанта князя Барятинскаго и всѣхъ составлявшихъ его штабъ могли служить доказательствомъ, что теперь предстоитъ серьезное движеніе, а не диверсія.

Утромъ 26-го войска начали выходить изъ крѣпости и выстраиваться за горячеводскими воротами, на знакомомъ уже намъ мѣстѣ. Несмотря на свою неопытность, я очень хорошо видѣлъ, что настоящее выступленіе отряда обѣщало намъ довольно продолжительное отсутствіе. Громадный обозъ, занявшій по дорогѣ болѣе полуторы версты, все еще прибавлялся и изъ воротъ крѣпости постоянно выныряли нагруженные возы. На нѣкоторыхъ изъ нихъ торчали палки съ привязанными къ нимъ платками, что означало принадлежность повозки маркитанту, и импровизованный флагъ исполнялъ должность вывѣски. По сторонамъ обоза видны были небольшіе гурты порці-

огнаго скота; нѣсколько повозокъ, съ особенною заботливостію оберегаемыя и поддерживаемыя солдатами при каждомъ толчкѣ, были заняты огромными бочками,—съ нектаромъ русскаго люда; на другихъ безобразно торчали ножками вверхъ табуретки, а съ боковъ были засунуты подъ веревки доски складныхъ столовъ. Это походныя канцеляріи: около нихъ всегда вертѣлся писарь, одѣтый непремѣнно щеголеватѣе всѣхъ прочихъ солдатъ, или въ шинель тонкаго сукна, или въ казакинъ съ галунами. Всѣ такія характеристическія черты, рѣзко бросавшіяся теперь въ глаза, были незамѣтны при движеніи 19-го января. Послѣ трехъ часовъ, употребленныхъ на устройство колоны и обоза, отрядъ двинулся по дорогѣ на аулъ Старый-Юртъ (Горячеводскъ), около котораго и расположился на ночлегъ. Несмотря на то, что былъ январь, солдаты тотчасъ же принялись мыться въ горячемъ источникѣ, къ великому соблазну горянокъ, сбѣжавшихся посмотрѣть на отрядъ: не ожидая подобной сцены, онѣ, какъ серны, разбѣжались по саклямъ.

На другой день отрядъ перешелъ къ аулу Новый-Юртъ. По ту сторону Терека видна была Червленская станица, разсадникъ казачекъ-красавицъ. Бойкія сосѣдки не заставили себя долго ждать, и скоро Терекъ покрылся каюками, управляемыми ловкими малушками. Лагерь быстро оживился. Къ услугамъ усталаго воинства явились всѣ продукты, которыми изобилуютъ терскія станицы, по цѣнамъ значительно меньше тѣхъ, какія мы привыкли платить въ Грозной. Игривыя малушки шныряли по офицерскимъ палаткамъ, предлагая «родительское» (*), которое и распивалось безцеремонно, вмѣстѣ съ веселыми продавщицами.

Тотъ, кто сталъ бы судить о червленскихъ казачкахъ по ихъ обращенію съ постороннимъ, навѣрно составилъ бы о нихъ ложное мнѣніе. Многіе изъ служившихъ на Кавказѣ, конечно, такъ и поступали, а потому неудивительно, что малушки пользовались репутаціею женщинъ легкаго поведенія. Въ дѣйствительности же ихъ поведеніе гораздо нравственнѣе поведенія казачекъ другихъ станицъ. Слабость малушекъ, свойственная всѣмъ вообще женщинамъ — это рядиться. Но средства для того онѣ добываютъ вовсе не тѣмъ предосудительнымъ путемъ, какой привыкли предполагать. Самая обык-

(*) Виноградное вино мѣстнаго приготовленія (чихирь), выдержанное нѣсколько лѣтъ. Отчего его называютъ «родительскимъ», навѣрно не могу сказать; кажется отъ того, что казаки имѣютъ обычай сохранять вино въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю, которые откупориваютъ только на свадьбѣ своихъ дѣтей. Недопитое на свадьбѣ вино передается новобрачнымъ въ видѣ приданаго.

новенная изъ уловокъ, употребляемыхъ ими для пріобрѣтенія средствъ на наряды, такъ называемыя вечеринки. Едва пріѣзжающій успѣлъ остановиться на квартирѣ, какъ является старикъ, или старуха, и предувѣдомляетъ, что дѣвушки намѣрены собраться къ нему сегодня вечеромъ. Если посланный парламентеръ замѣтитъ неопытность пріѣзжаго и его удивленіе, то разъясняетъ смыслъ вечеринки, прибавляя что именно хозяинъ долженъ приготовить. Изъ двусмысленныхъ намековъ пріѣзжій выводитъ заключеніе, что ему предстоитъ испытать блаженство, обѣщанное Магометомъ правовѣрнымъ, и, разумѣется, соглашается принять посѣтительницъ. Для гостей приготовляются чихирь, пряники, орѣхи, конфекты и т. п., какъ называютъ въ казачьихъ станицахъ закуски. Вечеромъ являются штукъ десять дѣвушекъ, при которыхъ старикъ, или старуха, исправлявшій должность парламентера, исполняетъ обязанности цербера: молодые казаки, даже женихи присутствующихъ на вечеринкѣ дѣвушекъ, не допускаются. Начинается угощеніе. Казачки истребляютъ чихирь въ большомъ количествѣ и становятся развязнѣе; наступаетъ полная свобода языкамъ и рукамъ. Хозяинъ избираетъ одну изъ дѣвушекъ, которая садится рядомъ съ нимъ, и начинается «обыгрываніе». Обыгрываніе — это самый ловкій способъ обирать проѣзжающаго. Къ нему и къ избранной имъ подходятъ прочія дѣвушки, со стаканами въ рукахъ, и принимаются пѣть тоненькими голосами пѣсню. Финалъ пѣсни тотъ, что хозяинъ цѣлуется со всѣми дѣвушками, выпиваетъ съ каждой изъ нихъ стаканъ чихирю, цѣлуетъ свою сосѣдку и обдариваетъ всѣхъ деньгами. Процесъ «обыгрыванія» тянется до тѣхъ поръ, пока каждая присутствующая не подойдетъ къ хозяину, ведя, конечно, всѣхъ своихъ подругъ, и пока обобранный хозяинъ, выпившій чихирю въ десять разъ больше гостей, не вяжетъ лыка. Въ продолженіе всего этого времени онъ находится въ какомъ-то угарѣ и, расчитывая на предстоящее блаженство, не обращаетъ вниманія на расходъ денегъ. Но тутъ настаетъ разочарованіе. Церберъ объявляетъ, что пора по домамъ, и компанія, облобызавъ еще разъ хмѣльнаго хозяина, исчезаетъ.... Читатель скажетъ, что подобнымъ образомъ можно обмануть только одинъ разъ. Могу поручиться, что даже опытные молодые люди ловятся на эту удочку три, четыре раза. На другой день вечеринки, къ пріѣзжему является опять вчерашній парламентеръ, и, выслушавъ весьма естественные упреки хозяина, старается доказать, что онъ самъ былъ виною своей неудачи, не умѣлъ повести дѣла, и тутъ же даетъ наставленіе, исполненіе котораго обѣщаетъ вѣрнѣйшій

успѣхъ. Хозяинъ рѣшается слѣдовать совѣту. Въ тотъ же день назначается вторая вечерника и съ такимъ, какъ и первая, результатомъ. Достиженію желанной цѣли является препятствіе въ присутствіи другихъ дѣвушекъ, которыхъ лукавая подруга проситъ напоить, чтобы можно было незамѣтно уйти изъ хаты. Едва хозяинъ успѣлъ устранить это препятствіе, какъ является новое—въ лицѣ цербера. Споить казака, пившаго чихирь какъ воду съ пятилѣтняго возраста, дѣло мудреное или просто невозможное, слѣдовательно и препятствіе неустранимо. Хозяинъ, наконецъ, теряетъ терпѣніе и безцеремонно проситъ гостей дать ему покой. И однакожь на утро еще разъ является тотъ же старикъ, хладнокровно выслушиваетъ брань проѣзжающаго, соболѣзнуетъ о его неопытности и молодости и берется самъ устроить дѣло безъ вечерники, но проситъ денегъ на подарки. И эта затѣя оканчивается ничѣмъ.

Я привелъ здѣсь самый употребительный между червленскими казачками способъ, которымъ добываются деньги на наряды. Не стану, конечно, отрицать его безнравственность, но все-же это не торговля собою. Изобрѣтеніе подобнаго способа наживы я не приписываю даже самимъ дѣвушкамъ: это скорѣе плутовская выдумка стариковъ или старухъ, желающихъ проучить заѣзжихъ волокитъ. Дѣвушки, въ этой продѣлкѣ, играютъ роль приманки, что, безъ сомнѣнія, выполняется ими охотно: вѣдь онѣ видятъ въ томъ свою пользу. Изъ разговоровъ съ малушками я замѣтилъ, что онѣ не находятъ ничего предосудительнаго въ обираніи простаковъ; напротивъ, считаютъ это даже похвальнымъ, говоря «по дѣломъ ему! пусть, лѣшій, не зарится на дѣвокъ!» О дѣвушкахъ же, пустившихся въ развратъ, или, какъ онѣ называютъ, «гулящихъ», малушки отзываются весьма неодобрительно. Впрочемъ, число такихъ въ станицѣ Червленной значительно меньше, сравнительно съ другими терекскими станицами.

Возвращаюсь къ разсказу. 28-го января отрядъ перешелъ къ Умаханъ-Юрту. На дорогѣ обогналъ его князь Барятинскій; громкое ура! привѣтствовало новаго генералъ-адъютанта. На другой день мы двинулись къ укрѣпленію Куринскому (Исиигуръ). Глубокій снѣгъ замедлялъ движеніе тяжелаго обоза, и только къ двумъ часамъ ночи мы дотянулись до укрѣпленія. Непривычный къ ночнымъ движеніямъ и не усвоившій еще способности кавказскихъ офицеровъ спать сидя на лошади, я до того усердно клевалъ носомъ, что фейерверкеръ предложилъ мнѣ переселиться на лафетъ орудія. Я долго отвергалъ предложеніе, но усталость и сонъ взяли свое: я согласился.

Тотчасъ же, къ моимъ услугамъ, на отброшенныхъ правилахъ орудія, явилась импровизованная постель изъ солдатскихъ полушубковъ и шинелей, и я заснулъ въ ней какъ въ люлькѣ. При сильныхъ толчкахъ, открывая глаза, я видѣлъ мѣрно шагающихъ около меня двухъ солдатъ, взявшихъ на себя заботу предупредить всякую непріятную случайность, въ родѣ переселенія моего изъ люльки подъ колеса орудія. Мнѣ до того тяжела была эта заботливость, за которую я ничѣмъ не могъ вознаградить, что я тутъ же рѣшался вскочить съ лафета и сѣсть опять на лошадь; но необыкновенное утомленіе во всемъ тѣлѣ и желаніе соснуть еще хотя четверть часа, заставляли меня крѣпче закрывать глаза, и я засыпалъ, успокоивая себя мыслью, что могъ же я ничего не видѣть. Съ этого времени я еще болѣе привязался къ доброй натурѣ нашего солдата.

Въ Куринскомъ укрѣпленіи мы нашли уже отрядъ генерала Бакланова, этого «bête noire» горцевъ лѣваго фланга. Соединившіеся отряды простояли здѣсь до февраля, подготовляя дорогу для предстоявшаго движенія на Хоби-Шевдонскія высоты. Съ этою цѣлью колоны посылались къ аулу Исте-су и въ Хасангаевское ущелье. Судя по величинѣ отряда и по разнообразію частей, входившихъ въ составъ его, мы могли думать, что намъ предстоитъ движеніе въ родѣ даргинской экспедиціи. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ родовъ войскъ не было въ нашемъ отрядѣ! Саперы, галваническая рота, ракетныя команды, пѣшія и конныя пластунскія команды, штуцерные, драгуны, казаки донскіе и линейные и т. д. А сколько было фазановъ (людей)!.... Видимо невидимо, какъ говорили солдаты. «Вотъ-то будетъ случай отличиться!» думалъ я, въ простотѣ своей; «лишь бы Богъ далъ скорѣе дождаться движенія».

Вечеръ, наканунѣ дня выступленія, я провелъ въ душевной тревогѣ. Мнѣ хотѣлось, хотя приблизительно, знать, что предстоитъ завтра. Отъ кого же узнать? Единственное лицо, къ которому я обращался безъ стѣсненія, былъ Ш*; но на подобные вопросы онъ отвѣчалъ всегда уклончиво.

— «А вотъ испытаете и увидите, какъ все это творится. Впрочемъ, большихъ ужасовъ не будетъ: не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ», прибавлялъ онъ, успокоительно, любимую поговорку и, смѣясь, прекращалъ разговоръ. Другаго своего походнаго товарища Д* я избѣгалъ, въ подобныхъ случаяхъ, какъ огня; спросить его объ этомъ кому-нибудь, тѣмъ болѣе одному изъ подчиненныхъ, значило дать ему поводъ порисоваться своими служебными преимуществами и своею опытностью. Вопрошающему предстояло выслуши-

вать столько вздору, что онъ не зналъ какъ и отдѣлаться. Изъ отвѣтовъ Д° выходило, что чуть-ли не онъ самъ будетъ руководить ходомъ дѣла—это, изволите видѣть, ему сказалъ по секрету такой-то (слѣдовала фамилія и непремѣнно кого-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ); что ему очень хорошо извѣстны всѣ предположенія начальника отряда, такъ какъ отъ него не скрываютъ ихъ (опять фамилія начальника штаба или генерала, состоящаго при начальникѣ отряда); что одинъ взводъ нашего дивизіона навѣрное будетъ играть замѣтную роль и будетъ назначенъ въ самый опасный пунктъ — о чемъ его предупредилъ начальникъ артилеріи въ отрядѣ, но что онъ, т. е. Д°, еще не рѣшилъ, какой именно взводъ назначить въ этотъ пунктъ. Послѣдняя фраза говорилась въ назидательномъ смыслѣ, съ тою цѣлью, чтобы обратившійся съ вопросомъ понялъ ее такъ: «если ты будешь оказывать мнѣ должное уваженіе, то я могу многое для тебя сдѣлать».... Все это я слышалъ отъ Д° одинъ разъ, и, конечно, не имѣлъ охоты выслушивать вторично: съ послѣдняго нашего движенія на р. Аргунъ, я убѣдился, что знатныя личности, цитируемыя Д° въ своихъ разговорахъ, не только не говорятъ съ нимъ интимно, но даже, при серьезномъ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь, довольно неделикатно просятъ его удалиться.

Какъ бы то ни было, Ш° и Д° были до того времени единственныя личности, съ которыми служба въ одной части поставила меня въ болѣе близкія отношенія, и если они не могли удовлетворить моему любопытству, то незачѣмъ было обращаться къ постороннему офицеру. Не значило ли это открыто сознаться въ своей неопытности? Отъ подобнаго сознанія страдало мое прапорщичье самолюбіе и я, мучимый неизвѣстностью, рѣшился искать успокоенія во снѣ.

Если читателю случалось, въ виду опасности, или подъ тяжелымъ вліяніемъ неизвѣстности предстоящаго, прибѣгать къ этому послѣднему результату мышленія, то читатель согласится, что такое прибѣжище успокоиваетъ очень не надолго. Возбужденное воображеніе неохотно внимаетъ голосу разсудка и, несмотря на принятое рѣшеніе хладнокровно встрѣтить все, что бы ни случилось, продолжаетъ настойчиво предугадывать будущее, пока не обезсилѣетъ въ безплодной борьбѣ. Продолжительность этого тяжелаго состоянія зависитъ отъ свѣжести и пылкости воображенія, а воображеніе, въ свою очередь, отъ молодости лѣтъ. Помню, что я тревожно провелъ ночь и проснулся задолго до утренней повѣстки. Какой-то глухой шумъ, непохожій на гамъ, предшествовавшій выступленію отряда

днемъ, царилъ надъ нашимъ лагеремъ. Всѣ солдаты были уже на ногахъ и заботливо укладывали на возы свое имущество и лагерныя вещи; неизбѣжная суматоха была въ полномъ разгарѣ, но каждый старался дѣлать свое дѣло тихо; распоряженія лицъ, власть имущихъ, отдавались въ полголоса, и сдержанный говоръ ихъ лишь изрѣдка перерывался невольнымъ повышеніемъ голоса на крѣпкомъ русскомъ словцѣ. Даже фурштаты и артиллерійскіе ѣздовые, народъ, какъ извѣстно, мало стѣсняющійся всегда и вездѣ, держали себя на этотъ разъ чинно и заботились не нарушить не столько общую тишину, сколько мирный сонъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, еще покоившихся подъ нетронутыми офицерскими палатками. Напрасная заботливость!... Сонъ начальства давно былъ прерванъ, и только желаніе воспользоваться своимъ преимуществомъ — полежать въ теплой постели подолѣе, заставляло ихъ не заявлять о своемъ пробужденіи. Иногда, впрочемъ, то тому, то другому изъ нихъ приходилось обнаружить свое бдѣніе: кто-нибудь изъ снующихъ во всѣ стороны солдатъ натыкался на веревку, удерживающую палатку; палатка вздрагивала и раздававшееся изъ-внутри ея грозное «осторожнѣе» свидѣтельствовало, что если начальникъ офиціяльно и спитъ, то и тогда не перестаетъ все видѣть и слышать. Я долго прислушивался къ неопредѣленному шуму, но не могъ ничего разслушать явственно. Громче всего раздавалось мѣрное жеваніе вблизи стоявшихъ лошадей, которымъ, по случаю выступленія, заложено было въ коновязь все то сѣно, какое части не могли поднять съ собою, и кони, какъ бы предчувствуя предстоящій трудъ, старались воспользоваться неожиданною усиленною дачею корма.

Но вотъ раздалась повѣстка къ утренней зарѣ. Всѣ какъ будто ждали этого сигнала; сдержанный до того говоръ почти мгновенно обратился въ необычайный шумъ; каждый старался вознаградить себя за долгія минуты молчанія. Теперь не къ чему было щадить чей бы то ни было сонъ; положенное время отдыха миновалось для всѣхъ. Повсюду стали раздаваться крики: «послать дежурнаго къ ротному командиру», «послать команду снимать лагерь штаба» и т. п. Офицерскія палатки мало по малу начали рѣдѣть; то и дѣло верхушки ихъ опускались, и черезъ нѣсколько минутъ походная квартира уже представляла тюкъ, перевитый веревками и уносимый въ обозъ. И нашей палаткѣ грозила, разумѣется, такая же участь; я и Ш* сидѣли уже подъ однимъ навѣсомъ, лишеннымъ боковыхъ пологовъ, и моимъ глазамъ ничто не мѣшало созерцать новую для меня картину. На дворѣ была еще ночь, но заднiй планъ квартиры,

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ярко освѣщался пылавшими по чертѣ лагеря кострами и позволялъ различать предметы, которыхъ темные контуры рѣзко очерчивались на золотистомъ фонѣ. Предметы эти поминутно смѣнялись однимъ другимъ: тяжело нагруженная повозка, съ покачивающимся на ней фурштатомъ, медленно продвигалась передъ нами и изчезала во мракѣ; низъ повозки и лошади скрывались во тьмѣ господствовавшей внизу, и фурштатъ, казалось, сидѣлъ на какой-то горѣ, медленно подвигавшейся впередъ однимъ мановеніемъ вожжей и взмахиваніемъ кнута. Повозка смѣнялась групою солдатъ, несущихъ на палкахъ какую-то тяжесть; за ними слѣдовали одиночные люди, силуэты которыхъ были чрезвычайно уродливы; ранцы, покрытые шинелями, представлялись на спинахъ большими горбами, и люди какъ будто съ трудомъ несли это бремя, нагнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ. За ними поле картины оставалось на нѣкоторое время свободнымъ; можно было разсмотрѣть задній планъ. Тамъ групы солдатъ, около костровъ, ярко озарялись пламенемъ; лица ихъ, отъ освѣщенія снизу, казались неестественно искривленными, и каждое, самое обыкновенное движеніе личныхъ мускуловъ обнаруживалось гримасою. Вотъ одинъ изъ солдатъ нагнулся къ костру, чтобы достать огня для трубки; вся фигура его отчетливо освѣтилась пламенемъ, и лицо, съ горящей передъ носомъ щепкой, кажется глупо улыбающимся; по движенію размахивающихъ рукъ и по поворотамъ головы видно, что солдатъ разсказываетъ что-то своимъ товарищамъ и невольно напоминаетъ маріонетку кукольнаго театра, такъ что хочется пополнить его тѣлодвиженія разсказомъ. Съ боку этой групы видны козлы ружей; часоваго манитъ пріятное тепло костра, но служба не позволяетъ принять участія въ разговорѣ товарищей, и онъ, подходя къ концу козелъ, останавливается на нѣсколько секундъ, нехотя поворачивается и мѣрнымъ шагомъ исчезаетъ въ темнотѣ. Но костеръ закрывается цѣлымъ рядомъ повозокъ и толпами проходящихъ людей, и опять однѣ только верхушки предметовъ обрисовываются на свѣтломъ заревѣ.

— «Сколько ни сиди, а пора и честь знать; покейфовали мы съ вами—и довольно; Надо снимать палатку, а то какъ разъ опоздаешь», сказалъ Ш*.

Мы вышли изъ-подъ навѣса. Стало свѣтать, когда войска потянулись изъ лагеря и начали составлять одну общую колону на дорогѣ къ аулу Исте-су. Густыя утреннія облака еще покоились на горѣ и скрывали лѣвую сторону, откуда непріятель только и могъ слѣ-

дить за нашимъ движеніемъ. Отрядъ молча началъ устраиваться въ ожиданіи пріѣзда генералъ-адъютанта князя Барятинскаго. Скоро князь показался въ сопровожденіи многочисленной свиты и, объѣхавъ войска, двинулъ ихъ впередъ. Мичикскій наибъ Бата былъ нашимъ путеводителемъ; онъ, съ нѣсколькими нукерами, ѣхалъ впереди колоны.

Не доходя аула Исте-су, авангардъ свернулъ влѣво; колона втянулась въ ущелье, стороны котораго были окоймлены кустарникомъ, переходившимъ дальше въ густой лѣсъ. Боковыя цѣпи, слѣдовавшія по гребню горъ, обезпечивали движеніе обоза, который вытянулся въ одну повозку по арбной дорогѣ, пролегавшей въ ущельѣ. Пройдя версты три, авангардъ поднялся на вершину хребта, откуда открывалась вся долина р. Мичика. Движеніе отряда было такъ скрыто ущельемъ, что горцы замѣтили наше присутствіе только тогда, когда Хоби-Шевдонскія высоты были заняты нами.

Авангардъ остановился на безлѣсной вершинѣ. Сама природа какъ будто очертила границы лагеря: южный склонъ хребта прорѣзывался двумя глубокими балками, въ разстояніи версты одна отъ другой; ограниченное ими большое плато было чрезвычайно удобно для размѣщенія войскъ.

Балка, съ лѣвой стороны позиціи, служившая русломъ ручью Шевдонъ, дѣлала почти подъ прямымъ угломъ поворотъ направо, разсѣкала гору на два паралельныхъ хребта и потомъ, такимъ же крутымъ поворотомъ налѣво, отдѣляла безлѣсную часть хребта отъ лѣсистой. У перваго поворота балки, какъ бы продолженіемъ ея, служила довольно глубокая промоина, дѣлившая безлѣсную часть горы на два отдѣльные плато. Къ сторонѣ непріятеля гора спускалась двумя большими терасами; у основанія нижней изъ нихъ, или, что тоже, у подошвы горы, начинался густой орѣшникъ, покрывавшій долину р. Мичика почти на всемъ ея протяженіи. Насупротивъ мѣста нашего расположенія, правый берегъ рѣки отстоявшій отъ горы версты на полторы, былъ очищенъ отъ орѣшника, и образовавшаяся вслѣдствіе того большая поляна служила для посѣвовъ горцевъ. Поляна эта діагонально перерѣзывалась ручьемъ Шевдонъ, который, вытекая съ лѣваго фланга нашей позиціи, впадалъ въ Мичикъ почти противъ праваго фланга. Лѣвый берегъ рѣки насупротивъ Хоби-Шевдонскихъ высотъ, былъ покрытъ сплошнымъ заваломъ, еще не совсѣмъ оконченнымъ; за нимъ почти непрерывною цѣпью тянулись горскіе аулы, изъ которыхъ ближайшій къ намъ Гурдали (онъ же

Гурдель-юртъ) былъ самый значительный. Задній фасъ нашей позиціи составляла вершина хребта.

Авангардъ, изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, роты охотниковъ Кабардинскаго полка и двухъ дивизіоновъ батарейныхъ орудій, 19-й и 20-й артиллерійскихъ бригадъ, былъ спущенъ на нижнюю терасу и составилъ, такимъ образомъ, передній фасъ лагеря. Постоянно подходившія войска занимали другіе фасы, а три баталіона Куринскаго полка, съ орудіями легкой № 5 батареи 20-й бригады, заняли отдѣльнымъ лагеремъ вершину хребта, между двумя поворотами ручья Шевдонъ. Верхнюю терасу заняла вся кавалерія отряда и штабъ. Обозъ располагался за своими частями.

Неожиданное появленіе отряда на Хоби-Шевдонскихъ высотахъ произвело страшную суматоху въ населеніи мичикской равнины. Дымъ маяковъ возвѣстилъ жителямъ о грозящей опасности; пронзительный крикъ сторожевыхъ горцевъ давалъ знать находившимся внѣ ауловъ о приближеніи нашихъ войскъ, и на этотъ крикъ со всѣхъ концевъ потянулись стада и началъ собираться пѣшій и конный людъ. Въ аулахъ закипѣла самая дѣятельная жизнь: семьи и пожитки горцевъ укладывались предъ нашими глазами; длинныя вереницы арбъ, нагруженныхъ ими, скрывались въ ущельяхъ противоположныхъ горъ.

Въ ожиданіи прибытія вещей и разбитія палатокъ, я улегся на буркѣ, впереди орудій, поставленныхъ при спускѣ къ ручью Шевдонъ, и безсознательно смотрѣлъ на ущелье, ведущее въ Ичкерію, слушая въ то же время разсказъ стараго солдата о нашихъ неудачныхъ походахъ въ эти мѣста. Собесѣдникъ мой былъ одинъ изъ числа немногихъ артиллеристовъ, уцѣлѣвшихъ отъ того взвода, который оставилъ свои орудія въ даргинской экспедиціи: онъ исходилъ Большую и Малую Чечню вдоль и поперекъ, подъ командою различныхъ начальниковъ, и зналъ, кажется, не только всѣ ущелья, но даже тропинки, встрѣчавшіяся на пути. Я съ удовольствіемъ слушалъ его разсказы, приправляемые иногда мѣткими замѣчаніями, отличавшимися вѣрностью, какъ замѣчанія человѣка, судящаго на основаніи не предположеній, а фактовъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Если бы я услышалъ подобный разсказъ теперь, то навѣрно постарался бы имъ воспользоваться. Какъ ни былъ онъ безсвязенъ, и какъ ни ложно объяснялись нѣкоторые факты, но можно было ручаться, что самые факты вѣрны. Сознавая свое ничтожество въ военной іерархіи, ветеранъ не старался высказывать свое заключеніе, а безхитростно и не рисуясь разсказывалъ всѣ случаи, оставшіеся въ его памяти.

Разсказъ солдата былъ прерванъ приходомъ Ш*.

— «Будемъ вмѣстѣ пожинать лавры вашихъ утреннихъ созерцаній! Повозка наша, вѣроятно, попала въ аріергардъ, и дай Богъ, чтобы пришла къ вечеру», сдѣлалъ онъ мнѣ заслуженный упрекъ.

Куда какъ непріятно, прійдя на позицію, видѣть какъ другіе пьютъ чай и располагаются отдыхать, а самому ожидать когда то прибудутъ пожитки. Забываются всѣ прелести окружающей васъ природы, всѣ мечты о будущемъ: горькая дѣйствительность, въ формѣ голода, возбужденнаго апетитомъ другихъ, дѣлаетъ человѣка до крайности раздражительнымъ. Я понялъ состояніе духа Ш* и не возражалъ на его упрекъ, тѣмъ болѣе, что сознавалъ себя кругомъ виновнымъ. Не займись я утромъ разсматриваніемъ лагеря и не задержи этимъ солдатъ, готовыхъ снять палатку, повозка съ нашими вещами была бы если не въ началѣ обоза, то по крайней мѣрѣ въ серединѣ его, и мы давно уже наслаждались бы отдыхомъ.

Неожиданное обстоятельство помогло намъ развлечься и забыть невзгоды лагерной жизни. Далеко за Мичикомъ показался густой клубъ бѣлаго дыма, раздался глухой выстрѣлъ, и что то съ рѣзкимъ шипѣніемъ шлепнулось позади насъ. Вслѣдъ за тѣмъ послышался раздирающій душу стонъ, заставившій всѣхъ вскочить на ноги. Зная изъ разсказовъ, что видъ перваго человѣческаго трупа дурно дѣйствуетъ на многихъ; я, первую минуту, рѣшился не смотрѣть въ ту сторону, откуда послышался стонъ, но поднявшаяся кругомъ суета заставила и меня сдѣлать то же, что и другіе: я оглянулся. Нѣсколько солдатъ, между ящиками, укладывали на шинель окровавленный и обезображенный трупъ своего товарища; при поднятіи, голова его и ноги свѣсились чрезъ шинель и просачивавшіяся капли крови обозначали путь грустнаго шествія.

Что я ощутилъ въ эту минуту? Вся прошедшая и настоящая жизнь мигомъ пронеслась въ моей памяти. Всѣ надежды на будущее разомъ прервались. Мнѣ захотѣлось быть какъ можно дальше отъ этого мѣста... Я чувствовалъ, что кровь хлынула къ сердцу, что голова моя начинаетъ кружиться. Къ моему счастію, эта душевная тревога была мгновенная: мысль, что я офицеръ и не долженъ передъ подчиненными показывать своей слабости, ободрила меня. Я взглянулъ на Ш*, хотѣлъ его удивить своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, но надобно предполагать, что выраженіе моего лица показывало далеко не то, что мнѣ хотѣлось.

—«Выпейте-ка лучше грогу», предложилъ Ш*; «на всѣхъ такъ дѣйствуетъ видъ перваго трупа; два-три случая—и присмотритесь».

Незнаю произвелъ ли бы на меня желанное дѣйствіе стаканъ

грогу, еслибъ второй выстрѣлъ горцевъ и появившаяся вслѣдъ за нимъ фигурка Д*, скакавшаго съ горы и нещадно колотившаго своими коротенькими ножками бока лошади, не заставили обратиться отъ только-что перечуствованныхъ ощущеній.—«Прислуга къ орудіямъ!» кричалъ Д*, подскакавъ къ дивизіону; «отвѣчать на выстрѣлы!». Съ видимо-особенною охотою прислуга взялась за принадлежность; лица солдатъ говорили, что смерть товарища произвела на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе и имъ хотѣлось какимъ-нибудь занятіемъ разсѣять тревожныя думы. Орудія были мигомъ заряжены и наведены на дерево, изъ-подъ котораго послѣдовалъ горскій выстрѣлъ.

«Первое!»—и ядро взрыло землю, далеко не долетѣвъ до рѣки, хотя и было наведено черезъ весь прицѣлъ. «Вывинтить клинъ въ слѣдующихъ орудіяхъ!». Раздался второй выстрѣлъ и гранату разорвало немного дальше. «Весь клинъ вывинтить!», распоряжался Д*, вопреки всѣмъ артилерійскимъ правиламъ, но и это не помогло: отъ мѣста паденія нашихъ снарядовъ до орудія горцевъ оставалось еще далеко. Надо было подкапывать землю подъ хоботами орудій. Прикрытіе, безъ всякаго понужденія, взялось за лопаты и скоро были подрыты всѣ четыре хобота. Увы! мѣра оказалась недѣйствительною: снаряды наши падали въ Мичикъ. Орудія стояли на наклонной терасѣ и хобота лафетовъ были гораздо выше колесъ. Сколько ни старались доказать Д* безполезность нашихъ усилій и весьма возможный жалкій результатъ нашихъ домогательствъ, порчу лафетовъ, доводы не дѣйствовали. Испрашивая разрѣшеніе отвѣчать на выстрѣлы горцевъ, онъ, вѣроятно, обѣщалъ самый блистательный результатъ, и обнаружить теперь свое невѣжество, какъ артилериста, въ присутствіи всего штаба, вышедшаго изъ палатокъ посмотрѣть на нашу потѣху, было слишкомъ унизительно для стараго офицера. Но дѣло говорило само за себя: скоро зрители убѣдились въ безполезной тратѣ снарядовъ; послѣдовало распоряженіе не отвѣчать на орудійные выстрѣлы горцевъ. Распоряженіе это было какъ нельзя во время, потому что болѣе серьезное покушеніе непріятеля требовало нашего участія въ другой сторонѣ.

Тотчасъ по занятіи высотъ, были высланы войска для устройства водопоя и для разработки къ нему спуска. Для того, чтобы напоить большое количество лошадей, бывшихъ въ отрядѣ, ручей Шевдонъ оказался бѣденъ водою; надобно было сдѣлать запруду. Самое удобное мѣсто находилось у подошвы горы, гдѣ быстрое теченіе ручья значительно замедлялось выходомъ на равнину, и отъ того образовался небольшой естественный басейнъ. Надъ устрой-

ствомъ плотины, замыкавшей устье балки, войска работали уже часа три, не тревожимыя горцами. Замѣтивъ, что вниманіе всего отряда обращено на орудіе, не перестававшее изрѣдка посылать къ намъ ядра, горцы пробрались въ лѣсъ, покрывавшій незанятый нами берегъ Шевдона, и осыпали рабочихъ и ихъ прикрытіе градомъ пуль. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать: частые выстрѣлы затрещали въ нашей цѣпи. Не смотря, однако, на усиленіе огня цѣпи двумя батарейными орудіями, щедро осыпавшими позицію горцевъ картечью, непріятель продолжалъ упорно держаться въ лѣсу и оставилъ его только тогда, когда артиллерія и ракетная команда куринскаго лагеря открыли огонь противу тыла и праваго фланга горцевъ. Малѣйшаго колебанія противника было достаточно, чтобы лихія войска перешли въ наступленіе; грянуло ура, и, вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ, войска наши заняли лѣсъ. Отступивъ на равнину, горцы переправились черезъ Мичикъ. Убѣдясь въ невыгодѣ драться на этой позиціи, они уже не мѣшали намъ очистить лѣсъ и устроивать водопой.

Перестрѣлка собрала къ нашему дивизіону, расположенному, какъ я оказалъ, на берегу ущелья Шевдонъ, всѣхъ начальствующихъ лицъ и всѣхъ фазановъ (*) отряднаго штаба. Какъ рѣзко отличались лица искателей наградъ отъ лицъ старыхъ кавказскихъ служакъ, но какъ высокомѣрно относились искатели наградъ къ почтеннымъ ветеранамъ!

Прибытіе въ отрядъ господъ «прикомандированныхъ для отличія», какъ ихъ называли офиціяльно, или «фазановъ», подъ именемъ которыхъ они слыли между строевыми офицерами, вызывало всегда бурю негодованія. Появляясь въ лагерѣ иногда на короткое время, они, въ силу своего исключительнаго положенія, имѣли за собою право на полученіе первыхъ наградъ и пользовались этимъ правомъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Каждый изъ нихъ заранѣе опредѣлялъ, какую именно онъ желалъ бы получить награду, и рѣдко когда его желаніе не выполнялось. При существованіи нормы, высылавшейся изъ штаба для представленія офицеровъ, на долю «фазановъ» выпадало большее число наградъ, принадлежавшихъ по праву тѣмъ, на чьихъ плечахъ лежала вся тяжесть кавказскихъ трудовъ и походовъ. Понятно почему фазаны пользовались полною нелюбовью строевыхъ офицеровъ. Нѣкоторые изъ этихъ гостей служили

(*) „Фазанами“ назывались всѣ пріѣзжавшіе въ отряды для полученія наградъ. Этимъ названіемъ они, вѣроятно, были обязаны щеголеватости своихъ костюмовъ, которые имъ легко было сохранять въ праздничномъ видѣ, пріѣзжая въ отрядъ на двѣ-три недѣли, а иногда и на нѣсколько дней.

прежде въ тѣхъ же частяхъ, лавры которыхъ теперь пріѣхали пожинать, были извѣстны хорошо, слыли за бездарныхъ офицеровъ и только случаю были обязаны своимъ положеніемъ. Исполняя порученія начальниковъ, они свысока относились къ своимъ бывшимъ товарищамъ, что еще больше раздражало боевыхъ кавказскихъ офицеровъ. Общественное мнѣніе возставало, впрочемъ, не противъ личностей, но противъ исключительнаго положенія «фазановъ». Иногда и начальники отрядовъ протестовали противъ такого положенія, но они успѣли достигнуть къ послѣднимъ годамъ войны только того, что пришельцамъ перестали поручать временное командованіе частями. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ подобныя назначенія еще дѣлались, и случалось такъ, что гвардейскій штабсъ-ротмистръ номинально командовалъ въ отрядѣ дивизіономъ артилеріи, инженеръ путей сообщенія—кавалеріею.

— «Посмотрите какъ юлитъ», толкнулъ меня Ш*, указывая на гвардейскаго кавалерійскаго офицера, любезно предлагавшаго бинокль генералу.—«А вѣдь, пріѣхавъ въ Петербургъ, будетъ хвастать; живо опишетъ перестрѣлку, въ которой участвовалъ столько же, какъ любой изъ его товарищей, танцующій теперь на балѣ за двѣ тысячи верстъ. Когда же все это кончится?....»

Какъ жаль, что я не увижу Ш*: я утѣшилъ бы его, сказавъ, что теперь это кончилось, кончилось потому, что нечего уже дѣлать на Кавказѣ господамъ фазанамъ.

Вскорѣ послѣдовало распоряженіе перебираться нашему дивизіону на гору, откуда, по предположеніямъ, батарейныя орудія могли успѣшно состязаться съ орудіями горцевъ. На занимаемомъ же нами мѣстѣ назначено было устроить батарею. Дѣло это поручили молодому саперному офицеру, приказавъ ему руководствоваться совѣтами и указаніями Д*. Какъ и можно было ожидать, назначеніемъ подобнаго руководителя испортили все. На другой день батарея была готова, но оказалось такъ мудро устроенною, что мы могли обстрѣливать лишь самый незначительный уголъ пространства, именно не болѣе 3—4 градусовъ. Разстояніе между орудіями было около двухъ шаговъ, и поворотъ одного изъ нихъ требовалъ непремѣнно поворота сосѣдняго; въ противномъ случаѣ, при откатѣ, хоботъ выстрѣлившаго орудія ударялъ въ ближайшій лафетъ.... Какъ ни была неудобна батарея, мы однако заняли ее на другой же день и должны были придумывать способы стрѣлять по разнымъ направленіямъ, къ чему вынудили насъ горцы, на зло Д* перемѣщавшіе постоянно свое орудіе съ одного мѣста на другое. И мы стрѣляли.

Горцы, въ свою очередь, не хотѣли уступить намъ пальму первенства: они тоже стрѣляли изъ орудія акуратно четыре раза въ день: передъ утренней зарей два раза, во время водопоя и по пробитіи въ лагерь вечерней зари. Стрѣльба непріятеля по лагерю была такъ же удачна, какъ наша противъ ихъ орудій, и кромѣ перваго ядра, случайно убившаго солдата, остальныя были безвредны и давали только пищу неисчерпаемымъ остротамъ солдатъ.

Артилерія горцевъ лѣваго фланга была организована хорошо, сравнительно съ артилеріею абадзеховъ. Она состояла изъ полевыхъ и горныхъ орудій, брошенныхъ нами въ даргинской экспедиціи, или найденныхъ въ береговыхъ укрѣпленіяхъ, причемъ въ руки горцевъ достались порядочные запасы артилерійскихъ снарядовъ и пороха. Запасы эти пополнялись сборомъ нашихъ ядеръ и гранатъ, что замѣняло, какъ говорили, даже подать нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ ауловъ. Порохъ присылался изъ собственнаго завода Шамиля, бывшаго въ аулѣ Ведень, или подвозился услужливыми турками, которые вымѣнивали на него мальчиковъ и дѣвочекъ, а, за неимѣніемъ живаго товара, сырыя произведенія горцевъ. Орудія не составляли собственности одного какого-либо лица, какъ это было у абадзеховъ, а принадлежали всему народу и находились въ полномъ распоряженіи Шамиля. Придавая слишкомъ большое значеніе своей артилеріи, имамъ заботился, чтобы она могла встрѣтить русскихъ на всѣхъ важныхъ пунктахъ, и потому роздалъ ее своимъ наибамъ, которые, подъ опасеніемъ лишиться всѣхъ милостей, отвѣчали за цѣлость орудій. При такомъ условіи и при неувѣренности наибовъ въ стойкости горцевъ въ рѣшительный моментъ боя, горская артилерія была чрезвычайно труслива во всѣхъ дѣлахъ и удирала съ поля сраженія всегда первая, несмотря на то, что обыкновенно располагалась за сильными прикрытіями. Поэтому взятіе орудій съ бою, чего такъ домогались наши войска, было рѣшительно невозможно. Къ сожалѣнію, эта невозможность не останавливала желанія начальствовавшихъ, а побуждала ихъ иногда дѣлать усилія, стоившія намъ большихъ потерь.

При постоянной стрѣльбѣ горцевъ на дальнія разстоянія, естественно надлежало давать орудію слишкомъ большой уголъ возвышенія, отъ чего лафеты, взятые вмѣстѣ съ орудіями, не могли долго существовать и ихъ надлежало замѣнять лафетами собственнаго изготовленія. Въ этомъ случаѣ прежній лафетъ служилъ моделью, съ которой копировали новые довольно грубо и съ изъя-

тіемъ частей, считавшихся, по мнѣнію горцевъ лишними, а именно подъемныхъ клиньевъ и правилъ (*).

Упряжка артилеріи была наша, въ шесть лошадей. И надо отдать справедливость, что, при столь непривычной для горцевъ упряжи, всѣ движенія были чрезвычайно быстры и не уступали нашимъ. Люди, назначавшіеся для орудійной прислуги, избавлялись отъ всякой другой службы; ихъ обучалъ нашъ бѣглый фейерверкеръ, облеченный имамомъ въ званіе начальника артилеріи.

Наши войска не придавали такого значенія артилеріи Шамиля, какое придавалъ ей самъ имамъ; однако нельзя было назвать ее совершенно безвредною для насъ и отвергать то значеніе, которое она дѣйствительно имѣла. Подъ-часъ она наносила намъ довольно чувствительныя потери; но какъ это случалось рѣдко, то главное неудобство для насъ горской артилеріи состояло въ томъ, что она заставляла нашихъ утомленныхъ солдатъ проводить цѣлыя ночи безъ сна, что, конечно, сильно вліяло на ходъ дневныхъ работъ. Дѣлали-ли горцы когда-нибудь прежде ночныя нападенія?—не знаю; при мнѣ, сколько помню, не было ни одного подобнаго примѣра; тѣмъ не менѣе, выстрѣлъ горскаго орудія по лагерю служилъ всегда сигналомъ къ ожиданію нападенія, и пять-шесть ядеръ держали войска подъ ружьемъ иногда по нѣскольку часовъ.

—«Чертовы полунощники, прости Господи! нѣтъ того, чтобы стрѣлять днемъ, еще и ночью тѣшатся! Никакого спокойствія чрезъ нихъ нѣту!».... поговаривали солдатики, вылѣзая изъ своихъ норъ и палатокъ и лѣниво бредя къ ружьямъ ожидать болѣе серьезныхъ покушеній со стороны непріятеля. Кромѣ утомленія войскъ ночною пальбою, стрѣльба по высылавшимся для рубки лѣса колоннамъ много замедляла наши работы. Часа два спустя послѣ размѣщенія войскъ для рубки кустарника или для расчистки дороги, обыкновенно выѣзжала артилерія горцевъ, располагалась въ различныхъ пунктахъ и, то и дѣло, непріятельскія ядра пронизывали колонну. Съ перваго выстрѣла работы шли уже медленнѣе; все вниманіе солдатъ сосредоточивалось на непріятельской артилеріи, и раздававшееся, послѣ каждаго выстрѣла, «берегись», именно въ томъ мѣстѣ, куда направленъ былъ снарядъ, ясно доказывало, что топоры и лопатки перешли на второй планъ. Понуканія со стороны начальствующихъ дѣлались

(*) Все сказанное мною объ артилеріи горцевъ лѣваго фланга относится къ состоянію ея въ 1853 году. Съ того времени, до покоренія Восточнаго Кавказа, вѣроятно въ ней послѣдовали улучшенія, какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ строевомъ отношеніяхъ.

тогда не слишкомъ настойчивы, и день проводился до вечера съ единственною заботою всѣхъ: какъ бы онъ минулъ поскорѣе.

Могутъ спросить: неужели и начальствующія лица раздѣляли тревожное состояніе солдатъ? Нельзя отвѣчать на это безусловно отрицательно; я долженъ, однако, сказать, что вниманіе ихъ отвлекалось горскими орудіями еще и по другой причинѣ. Появленіе орудій сопровождалось всегда большимъ сборомъ около нихъ горцевъ; это заставляло держать войска наготовѣ, увеличивать цѣпи и резервы, стало-быть и все вниманіе начальствуюшихъ сосредоточивалось тамъ, откуда можно было ожидать болѣе опасности.

Впечатлѣніе, производимое на солдатъ смертью товарищей, выражалось всегда злостью на непріятеля, и въ эти минуты требовалось много благоразумія со стороны начальника, чтобы удержать ихъ отъ какой-нибудь безразсудной выходки. Солдаты до того озлоблялись, что готовы были, несмотря ни на какія препятствія, броситься впередъ, чтобы завладѣть орудіемъ, похитившимъ двухъ-трехъ ихъ товарищей. Чувства сожалѣнія объ убитыхъ я въ мгновеніе не замѣчалъ; оно высказывалось по приходѣ въ лагерь: здѣсь солдатъ давалъ полную волю своимъ теплымъ чувствамъ, и не одинъ изъ нихъ почтилъ своего покойнаго собрата слезою.

Сколько я могъ еще замѣтить, самое тяжелое впечатлѣніе производитъ потеря въ первой перестрѣлкѣ. Это относится не только къ новичкамъ, но даже и къ тѣмъ, которые неразъ встрѣчали смерть лицемъ къ лицу. Такъ было и 6-го февраля на Хоби-Шевдонскихъ высотахъ. Вечерніе костры освѣтили групы солдатъ, тихо разговаривавшихъ между собою. Отрядъ потерялъ лишь нѣсколько человѣкъ, но смерть ихъ заставила призадуматься многихъ; каждому приходило на мысль, что и онъ можетъ быть вынесенъ на тѣхъ же носилкахъ, и тогда прощай всѣ надежды, всѣ ожиданія, искупленныя лишеніями и тревогами продолжительной службы!....

Говоря о большинствѣ, я, конечно, не исключаю и себя; или, вѣрнѣе сказать, по себѣ сужу о большинствѣ, навязывая имъ свои мысли и впечатлѣнія. Какъ ни шатко строить на такомъ основаніи выводъ объ общемъ настроеніи лагеря, однако я увѣренъ, что не грѣшу передъ истиной. Если это явленіе въ ночь съ 6-го на 7-е февраля 1853 было случайное, то отчего же оно повторялось въ слѣдующихъ годахъ, и отчего такое настроеніе совпадало всегда съ тѣми днями, когда открывались походы и войска несли первую потерю? Не могу эти вопросы разъяснить иначе, какъ сказалъ выше, и позволяю себѣ думать, что не ошибаюсь, приписывая все впечат-

лѣнію, производимому первою потерею, въ особенности сильно дѣйствующею на людей, болѣе или менѣе отвыкшихъ отъ мысли внезапно переселиться въ горній міръ. Хотя, по смыслу христіанской вѣры, мысль о смерти должна сопровождать человѣка постоянно, однако никогда она такъ настойчиво не преслѣдуетъ его, какъ при внезапномъ исчезновеніи кого-нибудь изъ окружающихъ. Это, конечно, старыя истины; я повторяю ихъ для того, чтобы указать на ошибочность распоряженій тѣхъ, которые насильственными мѣрами старались заставить солдатъ отрѣшиться отъ докучливой мысли, то есть развлекали ихъ въ подобныя минуты крикомъ пѣсенниковъ и громомъ тулумбаса. Впрочемъ, душевное состояніе нашего солдата, по мнѣнію многихъ начальствовавшихъ, не заслуживало исключительнаго вниманія и неподчиненіе его приказаніямъ считалось такимъ же нарушеніемъ дисциплины, какъ неисполненіе самимъ субъектомъ служебнаго приказанія. «Я хочу, чтобы ты былъ веселъ и пѣлъ—и ты веселись! А что у тебя тамъ на душѣ—на кой чортъ мнѣ знать»: такъ разсуждали многіе, и подчиненные ихъ, дѣйствительно, пѣли, но въ душѣ проклинали тѣхъ, кто заставлялъ ихъ веселиться.

Въ ночь съ 6-го на 7 февраля горцы придумали новую потѣху. Подойдя къ ручью Шевдонъ, насупротивъ расположенія куринцевъ, они начали спускать боевыя ракеты (*). Затѣя эта оказалась неудачнѣе дневной стрѣльбы изъ орудій. Испорченныя и дурно направленныя ракеты (горцы спускали ихъ съ вѣтки ближайшаго дерева) подымались саженъ на пять, и съ этой высоты или обратно спускались къ горцамъ, или разрывались, освѣщая на мгновеніе лагерь. Сдѣлавъ пять—шесть попытокъ и получивъ въ возмездіе за нарушеніе нашего сна, одинъ картечный выстрѣлъ, горцы разбрелись по домамъ, оставивъ въ покоѣ и насъ до зари.

Разсвѣтъ горцы привѣтствовали выстрѣломъ изъ орудія. Чрезвычайно непріятно подобнаго рода пробужденіе, просыпаться отъ глухаго отдаленнаго выстрѣла, который, несмотря на свою отдаленность и неясность, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе близкаго шума. Во снѣ еще сознается опасность, предвѣстникомъ который служитъ выстрѣлъ, и прежде чѣмъ совершится переходъ къ совершенному пробужденію, рѣшается вопросъ «быть» или «не быть», т. е. сохранить ли наружное хладнокровіе и соблюсти всѣ условія сопро-

(*) Ракеты эти были отбиты у нашей казачьей ракетной команды въ дѣлѣ, гдѣ убитъ наказный атаманъ линейнаго войска генералъ Круковской. Дѣло это, если не ошибаюсь, было на р. Гехѣ, въ 1851 году.

вождающія обыкновенно пробужденіе, или же, отвергнувъ стѣснительныя формы налагаемыя званіемъ военнаго, искать для себя болѣе безопаснаго мѣста. Чувство самосохраненія выступаетъ на первый планъ, но сознаніе обязанностей, принятыхъ добровольно или принужденно вмѣстѣ съ военнымъ мундиромъ, сдерживаетъ въ опредѣленныхъ границахъ и не позволяетъ подчиниться первому чувству. Въ пробудившемся идетъ внутренняя борьба—борьба тяжелая, потому что застала его врасплохъ, и потому еще, что слишкомъ малъ срокъ времени, въ теченіе котораго онъ долженъ рѣшить вопросъ. Самолюбіе наконецъ беретъ верхъ; повидимому хладнокровно онъ торопится встать съ постели, чтобы второй выстрѣлъ не засталъ его въ палаткѣ; но выстрѣлъ тутъ какъ тутъ. Непріятный шипящій полетъ снаряда поражалъ слухъ.... До паденія снаряда, человѣкъ старается сообразить гдѣ ляжетъ ядро; по всѣмъ соображеніямъ выстрѣлъ направленъ именно въ его палатку—и съ стѣсненнымъ сердцемъ онъ ожидаетъ когда ядро шлепнется на землю. При тишинѣ лагеря, какъ то особенно непріятно отзывается паденіе ядра; слышно, какъ оно входитъ во что-то мягкое, и ожидаешь вслѣдъ за тѣмъ услышать крикъ; но крика нѣтъ, слѣдовательно ядро никого не зацѣпило. Офицеръ успокоивается, торопливо надѣвая сюртукъ выходитъ изъ палатки и оканчиваетъ свой туалетъ подъ открытымъ небомъ.

Впереди слышится говоръ солдатъ его же части, и онъ направляется на этотъ говоръ, стараясь какъ можно скорѣе попасть въ толпу, какъ будто здѣсь жизнь его застрахована отъ опасности.

Заря только-что начала заниматься, а мы уже около часа стояли на батареѣ и ожидали пятаго или шестаго выстрѣла горцевъ. Мичикская равнина была закрыта густымъ туманомъ: противоположныя лагерю вершины казались скалистымъ берегомъ тихаго моря, и доносившійся снизу невнятный гулъ, похожій на шумъ волнъ, дѣлалъ сравненіе это еще болѣе вѣрнымъ. И въ нашемъ лагерѣ господствовала тишина, какъ бы опасаясь обнаружить свое присутствіе близкому непріятелю; артиллеристы сгрупировались около орудій; изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ проранивалъ слово, высказывавшее затаенную мысль; зажженные пальники мерцали въ полумракѣ, освѣщая по временамъ часть одежды или лафета, или ярко отражаясь въ металѣ орудія; запахъ горѣвшаго фитиля какъ-то ѣдко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно щекоталъ обоняніе.

Отвѣчать на горскіе выстрѣлы было безполезно; мы простояли въ ожидательномъ положеніи до разсвѣта. Пользуясь густотою тумана, назначенныя для рубки войска начали спускаться на равнину.

Задача ихъ состояла въ очисткѣ отъ орѣшника подошвы высотъ. До разсѣянія тумана топоры успѣли уже отчасти сдѣлать свое дѣло, и изумленнымъ горцамъ представились наши войска, спокойно работающія на полянѣ, тогда какъ все вниманіе ихъ было обращено на гору. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ изъ за р. Мичика были безвредны для насъ; они послужили только сигналомъ для оставшихся еще въ аулахъ горцевъ. Вслѣдъ за выстрѣлами раздались пронзительные крики, сзывавшіе правовѣрныхъ на защиту устраивавшагося вдоль Мичика завала, и скоро массы ихъ расположились по берегу ожидать наступленія нашихъ войскъ. Но наступленіе еще не было рѣшено; колона, проработавъ до вечера, благополучно возвратилась въ лагерь.

Съ этого дня потекла обыкновенная лагерная жизнь. Раздававшійся передъ разсвѣтомъ горскій орудійный выстрѣлъ служилъ для насъ сигналомъ начала работъ; колона молча спускалась подъ гору и приступала къ неоконченной наканунѣ рубкѣ орѣшника. Часа черезъ три слышался рожокъ и начинался, подъ прикрытіемъ работавшей колоны, водопой, привѣтствуемый ядрами и гранатами горцевъ. Наша артилерія не оставалась въ долгу: она отвѣчала несчастной «пущенкѣ» такъ усердно, какъ будто бы единственною задачею ея было уничтоженіе горскаго орудія. Состязаніе это продолжалось до конца утренняго водопоя и возобновлялось при вечернемъ. Затѣмъ къ ночи возвращались колоны, какъ рабочая, такъ и ходившая въ укрѣпленіе Куринское за провіантомъ или за сѣномъ, разводились костры, освѣщались палатки, сообщались новости, горевали немножко объ отошедшихъ въ продолженіе дня въ лучшій міръ... Въ офицерскихъ палаткахъ составлялись пульки, и иногда далеко за полночь раздавались еще веселые разговоры ужинающихъ, тогда какъ солдатики давно уже покоились сномъ.

Монотонная жизнь сдѣлалась бы невыносимою, если бы чисто-весенняя погода не позволяла остававшимся въ лагерѣ проводить цѣлые дни внѣ палатокъ. Каждый день передъ нашими глазами разыгрывалась драма, варіянты которой до того были разнообразны, что по нѣскольку часовъ мы глазѣли на перестрѣливавшіяся подъ горою войска. Здѣсь можно было любоваться удалью и молодцоватостью каждой личности. Все, что для противниковъ было скрыто, для насъ было какъ на ладони. Каждая хитрость, каждая уловка непріятелей подкараулить другъ друга, были намъ понятны и зачастую служили поводомъ къ пари зрителей. Мы смотрѣли на это состязаніе и слѣдили за каждымъ движеніемъ противниковъ съ та-

кимъ же любопытствомъ и увлеченіемъ, какъ любитель пѣтушьихъ боевъ смотритъ на двухъ пернатыхъ бойцевъ, выпущенныхъ на арену.

Линейные казаки и охотничья команда Кабардинскаго полка, по удальству и смѣтливости, были самыми достойными противниками горцевъ. Большею частью они помогали другъ другу. Первые старались всегда заманить увлекавшихся джигитовъ на засаду, устроенную охотниками. Для этого обыкновенно нѣсколько казаковъ подъѣзжали близко къ р. Мичику и начинали поджигать копны горскаго сѣна; съ противоположнаго берега ихъ, конечно, встрѣчали выстрѣлами, но они, переѣзжая отъ одной копны къ другой, спокойно продолжали свою работу. Это выводило горцевъ изъ терпѣнія; они рѣшились переправиться черезъ рѣку. Тогда казаки начинали отстрѣливаться и отступать къ рытвинѣ или кусту, гдѣ залегли охотники. Увлекшійся непріятель иногда попадалъ въ ловушку: дружный залпъ охотниковъ сваливалъ одного, двухъ и обращалъ остальныхъ въ бѣгство.

Какой неудержимый взрывъ восторга раздавался въ толпѣ зрителей вслѣдъ за удачей нашихъ охотниковъ! Сколько искреннихъ похвалъ и пожеланій посылались побѣдителю и какими насмѣшками покрывались побѣжденные, если только это были горцы! — «Поди ты! тоже думали провести! такъ вотъ тебѣ и дадутся! онъ одно слово — пластунъ (*)! значитъ вся его служба на томъ и стоитъ, чтобы васъ гололобыхъ бить». — «Пластунъ-то пластунъ, а все таки, почитай, половину ихъ уходили». — «Ну такъ чтожь что уходили? а все небось ихнихъ вдесятеро больше побили, чѣмъ нашихъ! Эка уходили!» ворчалъ, разсердившись, спорщикъ; «вонъ карась самая хитрая рыба, а и та ловится». Почему именно карась оказывался хитрѣе остальныхъ рыбъ, и служило ли это достаточнымъ оправданіемъ пластуновъ, опонентъ не спрашивалъ, да и не могъ спросить, потому что общій шумъ толпы, раздраженной непризнаніемъ превосходства пластуновъ предъ горскими наѣздниками, показывалъ противнику, что дальнѣйшій споръ безполезенъ.

Вообще, можно было замѣтить, что окончательный приговоръ въ рѣшеніи споровъ, касавшихся воинской доблести, всегда былъ за строевымъ солдатомъ, хотя, по большей части, именно эти вопросы

(*) Пластунами называли собственно охотниковъ въ бывшемъ Черноморскомъ казачьемъ Войскѣ. Извѣстность, пріобрѣтенная черноморскими охотниками, упрочила названіе пластуна за каждымъ хорошимъ стрѣлкомъ. Рота Кабардинскаго полка, вооруженная двухствольными ружьями, офиціяльно называлась охотничьею, но между солдатами она слыла подъ названіемъ пластунской.

подымались кашеварами, денщиками, конюхами и тому подобною резонирующею братiею. Доказательства строеваго солдата всегда говорились въ подобныхъ случаяхъ съ какимъ-то особеннымъ апломбомъ, и если предъявлялись возраженiя, то, нерѣдко споръ переходилъ за предѣлы поднятаго вопроса и начиналась пикировка, оканчивавшаяся бранью. — «Вотъ что значитъ, братцы, татарская кровь: такъ, небойсь, къ своимъ и тянетъ... Значитъ задѣло за живое, что землячки оплошали». Это былъ вызовъ противнику на поединокъ; тутъ главный вопросъ переходилъ на второй планъ и выступалъ на сцену вопросъ о нацiональности, какъ извѣстно, самый щекотливый между неразвитыми спорщиками.

Вопросъ этотъ былъ прибѣжищемъ и заключенiемъ большей части споровъ между солдатами, и иногда можно было удивляться, съ какимъ искуствомъ противники развивали родословную другъ друга. Результатъ ихъ генеалогическихъ изысканiй почти всегда былъ тотъ, что въ родствѣ противника, не раздѣлявшаго настроенiя большинства, отыскивалась примѣсь какой-нибудь нелюбой русскому солдату нацiональности. Если же, паче чаянiя, противникъ оказывался неодолимъ на этомъ полѣ, т. е. послѣ всѣхъ розысканiй выходилъ чистый русакъ, то хватались за признаки, характеристичные для крестьянъ каждой губернiи. Въ первомъ случаѣ, спорщикъ всегда проигрывалъ дѣло и смирялся предъ большинствомъ; во второмъ, поддерживаемый солдатами одной съ нимъ губернiи, противникъ защищался упорно, и споръ принималъ иногда довольно большiе размѣры.

Разыгрывавшiяся передъ нашими глазами сцены военной хитрости и удальства часто порождали между зрителями подобные споры; оканчивались же они или тѣмъ, что вниманiе споривщихъ отвлекалось новой выходкой перестрѣливавшихся и тогда словесное состязанiе на время забывалось, или тѣмъ, что начальники принимали на себя трудъ возстановлять мирныя отношенiя. Подобныя сцены повторялись, впрочемъ, только при незначительныхъ перестрѣлкахъ, дававшихъ возможность празднымъ зрителямъ заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ поля битвы; при болѣе же серьезныхъ, вниманiе всѣхъ исключительно приковывалось къ нашимъ войскамъ, и, къ чести самыхъ задорныхъ спорщиковъ, надо сказать, что никогда въ это время они не дѣлали никакого неумѣстнаго замѣчанiя или возраженiя. Вся масса какъ бы проникалась однимъ сочувствiемъ къ нашимъ войскамъ и, кромѣ рѣдкихъ замѣтокъ, высказывавшихъ или опасенiя за нечаянный промахъ, или соболѣзнованiе о комъ-нибудь,

ничего не было слышно во все время перестрѣлки. Такъ, помню, было и 13-го февраля.

III.

За полчаса до разсвѣта, колона, подъ командою полковника Бажанова, спустилась съ Хоби-Шевдонскихъ высотъ и принялась рубить и жечь орѣшникъ. Густой туманъ скрывалъ еще отъ насъ равнину, когда раздались первые орудійные выстрѣлы горцевъ. Невидя что творится подъ горою и привыкнувъ уже къ методѣ горцевъ, при каждомъ удобномъ случаѣ пугать насъ своею артилеріею, мы мало обращали вниманія на пальбу, тѣмъ болѣе, что отвѣтныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны не было слышно. Частое перемѣщеніе выстрѣловъ, съ одного конца равнины въ другой, свидѣтельствовало, что горцы забавляются изъ нѣсколькихъ орудій; но и это не было для насъ новостью: мы очень хорошо знали ихъ орудія и знали также, что дѣйствіе ихъ одинаково удачно. Ружейныхъ выстрѣловъ не было слышно, а всѣ предполагали, что забава непріятеля не стоитъ намъ никакой потери. (Часу въ девятомъ дѣло разъяснилось: перестрѣлка была далеко не безвредна для насъ).

Замѣтивъ обыкновенное расположеніе нашихъ рабочихъ колонъ, горцы поставили въ разныхъ пунктахъ, по ту сторону рѣки четыре орудія и, узнавъ отъ передовыхъ пикетовъ, что войска приступили къ работѣ, открыли огонь. Снаряды то и дѣло прыгали между рабочими и ихъ прикрытіемъ. Отвѣчать на выстрѣлы горцевъ значило еще опредѣлительнѣе указать имъ мѣсто расположенія и морально ободрить ихъ, такъ какъ наши отвѣты всегда принимались горцами въ томъ смыслѣ, что мы терпимъ уронъ, если отвѣчаемъ. Поэтому, пользуясь густымъ туманомъ и предполагая, что, послѣ нѣсколькихъ безотвѣтныхъ выстрѣловъ, горцы убѣдятся въ безполезности стрѣльбы и или прекратятъ ее вовсе, или же измѣнятъ направленіе выстрѣловъ, полковникъ Бажановъ счелъ за лучшее не отвѣчать; онъ сдѣлалъ только распоряженіе, чтобы войска не стояли большими массами. Это распоряженіе не избавляло насъ однако отъ потери. Въ десятомъ часу показалась на горѣ голова печальнаго шествія. Нѣсколько казачьихъ лошадей, съ перекинутыми на сѣдлахъ трупами солдатъ и казаковъ, открывали ходъ; туловища убитыхъ были прикрыты бурками, но еще непріятнѣе поражали безжизненно болтавшіяся по бокамъ лошади руки и ноги. За убитыми потянулись носилки съ ранеными; каждыя изъ нихъ, при подъемѣ на гору, встрѣчались толпою солдатъ, которые, отходя, не-

редавали, неуспѣвшимъ перекинуться словечкомъ съ носильщиками, самыя чудовищныя новости. Здѣсь можно было убѣдиться въ справедливости пословицы «у страха глаза велики». Изъ разсказовъ носильщикокъ (обязанность носильщиковъ обыкновенно принимаютъ на себя животолюбивые солдаты) можно было вывести заключеніе, что подъ горой чистая бойня, что горцы дѣйствуютъ изъ безчисленнаго числа орудій и что еще часъ такой перестрѣлки, и изъ нашей колонны не останется ни одного человѣка.

Къ удовольствію и успокоенію зрителей, туманъ скоро разсѣялся; заговорилъ взводъ легкой № 5 батареи, бывшій на позиціи подъ горою, и скоро къ нему пристроился спущенный туда же взводъ батарейной № 3 батареи. Выстрѣлы непріятеля стали рѣдѣть и скоро замолкли, какъ только горцы увидѣли, что наши войска готовятся перейти въ наступленіе. Наступленія серьезнаго, впрочемъ, не послѣдовало; сдѣлали маленькую диверсію, чтобы отвлечь непріятеля, и перестрѣлка изъ орудійной перешла въ легкую ружейную, окончившуюся, какъ и въ прежніе дни, джигитовкою наѣздниковъ.

Вскорѣ потребовали отъ нашего дивизіона упряжь, чтобы вытащить на гору взводъ легкой батареи, потерявшей въ перестрѣлкѣ большое число лошадей. Я съ завистью смотрѣлъ на людей, вышедшихъ изъ серьезной перестрѣлки, которую мнѣ хотѣлось испытать давно, и которая увы! никакъ не выпадала на мою долю.

Потеря наша была не такъ велика, какъ можно было судить по разсказамъ солдатъ, но она была дѣйствительною потерею, потому что всѣ раны были отъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Перестрѣлка 13-го февраля заставила принять рѣшительныя мѣры противъ артиллеріи горцевъ. Вмѣстѣ съ вечернею зарею возобновились ея выстрѣлы, и начальство рѣшилось, какъ говорили солдаты, «изловить орудію». Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ, баталіонъ Кабардинскаго полка спустился подъ гору; скрытый темнотою ночи и не вырубленнымъ еще орѣшникомъ, онъ пробрался къ рѣкѣ Мичику. Остановясь противъ батарейки непріятеля, баталіонъ только ждалъ выстрѣла горцевъ, и вслѣдъ за нимъ раздался нашъ ружейный залпъ и грянулъ побѣдный крикъ ура! Сколько радостныхъ и самыхъ искреннихъ пожеланій понеслось изъ лагеря въ эти минуты.—«Кабы, Господи, изловили! то-то была бы радость! На вотъ, молъ, чортовъ сынъ! стрѣляй теперь».—«Эхъ не изловятъ» сокрушительно прибавлялъ другой.—«Отъ чего не изловятъ? Нейманов (*), кажись, охулку на руку не положитъ».—«Кабы то Господь послалъ».

(*) Командиръ баталіона подполковникъ Нейманъ.

Но на этотъ разъ Господь не послалъ. Баталіонъ разыгралъ въ лицахъ басню «Лисица и Виноградъ». Добѣжавъ до берега, онъ встрѣтилъ предъ собою обрывъ въ нѣсколько саженъ и не нашелъ никакого брода; подполковникъ Нейманъ увидѣлъ тогда необходимость позаботиться только о томъ, чтобы не сдѣлать свой баталіонъ мишенью для горцевъ. Онъ тотчасъ же отошелъ отъ берега и началъ отступать по другому направленію. Предположеніе его оправдалось: горцы дали выстрѣлъ картечью, осыпавъ сю то мѣсто, гдѣ былъ баталіонъ; но баталіонъ покойно отходилъ другою дорогою и возвратился въ лагерь цѣлъ и невредимъ.

Сколько разъ мы попадали въ ловушку по милости невѣроятныхъ свѣдѣній, сообщавшихся лазутчиками, и однакожь, до послѣдней минуты войны на Кавказѣ, у насъ не было другихъ источниковъ для собиранія свѣдѣній о противникѣ и о краѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было добиться болѣе точныхъ и добросовѣстныхъ свѣдѣній, нежели какими оказывались продажныя показанія горцевъ? Мнѣ кажется, что можно было. Я слышалъ, по крайней мѣрѣ, отъ достойнаго и честнаго кавказца, полковника Гепинга, что онъ въ 1859 году вызывалъ охотниковъ изъ офицеровъ взяться за рискованное дѣло совершить секретное путешествіе въ горы и составить описаніе мѣстъ, хотя ближайшихъ къ нашей передовой линіи. Знаю за тѣмъ, что также, что являлись охотники и что все дѣло остановилось только предлагавшіе свои услуги просили обезпечить ихъ семейства въ томъ случаѣ, если бы они погибли не исполнивъ порученія.

Ночь съ 13-го на 14-е февраля была первая, проведенная покойно. Напуганные нашимъ намѣреніемъ отнять орудіе, горцы не тревожили насъ даже на разсвѣтѣ. А какое великое благо проспать покойно ночь послѣ цѣлаго ряда тревожныхъ ночей! Объ этомъ можетъ судить только тотъ, кто испыталъ.

Послѣ 13-го февраля, горцы, видя, что работы наши по очисткѣ орѣшника поляны быстро приближаются къ нимъ, дѣятельно принялись оканчивать завалъ, тянувшійся вдоль праваго берега рѣки Мичика. Они трудились днемъ и ночью. Аулъ Гурдали казался большимъ муравейникомъ: цѣлый день въ немъ сновали чеченцы; со всѣхъ окрестныхъ ущелій тащились горцы, неся съ собою пищу рабочимъ, и, въ свою очередь, становились ими, смѣняя усталыхъ. Завалъ росъ съ каждымъ часомъ и, судя по энергіи, съ какою производились работы, можно было предполагать, что чеченцы рѣшились дорого уступить свою позицію.

Меня удивляло, какъ въ нашемъ лагерѣ относились къ работамъ

горцевъ. Старые кавказцы, зная неспособность ихъ защищать искуственно укрѣпленныя позиціи, смѣясь посматривали на завалъ и потирали руки отъ удовольствія, что придется имѣть хорошее дѣло. Я не могъ понять этого противорѣчія въ ихъ словахъ и взглядахъ, и на всѣ просьбы разрѣшить мое недоумѣніе получалъ или лукавую улыбку, или укорительное покачиваніе головой, какъ-будто говорившее: «да и молодъ же ты, мой милый». Быть можетъ, отвѣчавшіе, вмѣсто слово «молодъ», предполагали другой эпитетъ, но самолюбіе позволяло мнѣ объяснить ихъ нѣмой отвѣтъ только этими словами. Я обратился къ неизмѣнному Ш*. Онъ выручилъ меня и здѣсь.

— Скажите, пожалуйста, что ихъ такъ радуетъ завалъ?

— «Неужели вы не понимаете?» посмотрѣлъ Ш* на меня удивленно.

— Признаюсь откровенно, ничего не понимаю. Мнѣ кажется, скорѣе можно пожалѣть, что мы медлимъ, даемъ время горцамъ укрѣпиться для того, чтобы потомъ было труднѣе овладѣть позиціею, которую теперь можно занять безъ потери.... Что-то долго говорилъ я въ этомъ родѣ, пока не замѣтилъ улыбки на лицѣ Ш*. Сконфуженный, я замолчалъ на какомъ-то примѣрѣ, оставшемся въ головѣ отъ корпусныхъ лекцій.

— «Если бы васъ слушалъ учитель тактики, то, можетъ быть, онъ согласился бы съ вами; а такъ какъ васъ имѣетъ удовольствіе слушать человѣкъ, для котораго лекціи тактики, при кавказской практикѣ (замѣтьте, какое созвучіе въ словахъ; будто и есть какое-нибудь соотношеніе между кавказской практикой и тактикою, включилъ смѣясь Ш*), давно канули въ вѣчность, и у котораго, вслѣдствіе опыта же, образовался своеобразный взглядъ на войну, несходный со взглядами всѣхъ великихъ полководцевъ, то я съ вами не соглашусь».... «Видите-ли», прибавилъ Ш* помолчавъ немного: «въ кавказскихъ дѣлахъ существуетъ странная зависимость одного обстоятельства отъ другаго: это, положимъ, въ порядкѣ вещей; но я говорю «странная зависимость», потому что здѣсь какое-нибудь обстоятельство ведетъ къ результатамъ, которыхъ невозможно предполагать, т. е., вѣрнѣе сказать, къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, которыхъ слѣдовало бы ожидать. Вотъ вамъ, напримѣръ, отношенія главныхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ кавказскія перестрѣлки, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и нашу служебную карьеру: чѣмъ вліятельнѣе начальство, тѣмъ меньше перестрѣлки, тѣмъ легче труды и тѣмъ больше наградъ; чѣмъ оно невліятельнѣе, тѣмъ силь-

нѣе перестрѣлки, тѣмъ тяжелѣе труды и тѣмъ меньше наградъ. Зависимость послѣднихъ членовъ пропорціи отъ первыхъ вамъ, конечно, понятна; но вамъ кажется страннымъ, какимъ образомъ между ними могутъ уложиться средніе члены. Но и это станетъ понятнымъ, когда замѣчу, что на долю первыхъ членовъ, первой пропорціи, приходится всегда выполненіе главныхъ плановъ, и выполненіе, по большей части, удачное, такъ какъ оно подготовляется трудами первыхъ членовъ второй пропорціи. Долженъ сдѣлать оговорку, что пропорціи эти существуютъ въ дѣйствительности; на бумагѣ же средніе члены перемѣщаются изъ одной пропорціи въ другую, такъ что въ глазахъ людей, незнакомыхъ съ дѣломъ, самыя пропорціи получаютъ, если хотите, естественный видъ, при которомъ послѣдніе члены ихъ оказываются на своемъ мѣстѣ. Но перейдемъ отъ общихъ къ частному. Въ настоящемъ случаѣ, завалъ—это важный аксесуаръ для будущей картины, которую набросаетъ, въ формѣ реляціи, начальникъ отряднаго штаба. Завалъ, конечно, горцы проспятъ или бросятъ при первомъ нашемъ серьезномъ покушеніи, а между тѣмъ реляція вытянется пропорціонально длинѣ завала. Понятна вамъ теперь радость господъ, съ такою любовью посматривающихъ на завалъ: это вѣрная ступень къ чинамъ, орденамъ и т. д. Ну, что? каково я изложилъ взглядъ кавказца на перестрѣлки?.... Даже постарался поддѣлаться подъ вашъ любимый тонъ и употреблялъ, гдѣ можно, научные термины», заключилъ свою рѣчь Ш*, посмотрѣвъ на меня съ улыбкой. По выраженію его лица видно было, что онъ не сочувствовалъ практическому взгляду другихъ.

Надежды господъ, самодовольно потиравшихъ руки, должны были скоро осуществиться. 16-го февраля, сверхъ обыкновенія, вечернимъ приказомъ не были назначены части для рубки орѣшника. Это обстоятельство, какъ и все выходящее изъ обычнаго порядка, заставило насъ дѣлать разныя предположенія, далеко неподходившія къ тому, что должно было случиться на другой день. Мы до того привыкли видѣть предъ собою чеченцевъ, спокойно работающихъ завалъ, что помѣшать имъ казалось какъ-будто несвоевременнымъ. Даже солдаты хладнокровно начали слѣдить за выростающимъ заваломъ. «Эка, чортовы дѣти, нагородили!» поговаривали они; «работайте, работайте, а мы придемъ и поучимъ, какъ, значитъ, надо работать».

— «А что, братцы, вѣдь сегодня штурма будетъ», проронилъ какъ-то солдатикъ, выбравшись съ двумя котелками воды на гору и отдыхая вблизи собравшихся зѣвакъ.

— «Это, братцы, безпремѣнно будетъ» отозвался какой-то острякъ:

«ему вишь адъютантская курица сказала, когда ее щипалъ въ супъ».

— «Курица не курица, а вотъ поглядишь—будетъ. Баклановъ ужь пошелъ», проговорилъ обиженно солдатъ и, взявъ свои котелки, побрелъ дальше.

Солдаты всегда узнаютъ распоряженія раньше офицеровъ. Свѣдѣнія они получаютъ отъ деньщиковъ и вѣстовыхъ штатныхъ чиновниковъ, да отъ писарей отряднаго штаба. Роль вѣстниковъ, въ подобныхъ случаяхъ, брали на себя солдаты, прислуживавшіе поварамъ, деньщикамъ и конюхамъ, вообще прислуга второй инстанціи. Строевые солдаты не брезгали получать свѣдѣнія изъ этихъ источниковъ, но никогда не отпускали вѣстника безъ какой-нибудь остроты на его счетъ.

Приведенный разговоръ происходилъ, недалеко отъ батареи, часовъ въ семь утра 17-го февраля. По движенію въ лагерѣ не было замѣтно никакихъ приготовленій. День начался обычнымъ порядкомъ; только въ восемь часовъ было получено распоряженіе «людямъ выпить по чаркѣ водки и пообѣдать, а также выслать писарей въ штабъ за приказаніемъ».... Чрезъ полчаса явилось приказаніе: дѣйствительно, назначенъ былъ штурмъ заваловъ и занятіе береговъ Мичика. Въ девять часовъ войска должны были спуститься съ горы и каждая часть, занявъ назначенное ей мѣсто, ожидать сигнала, который будетъ поданъ съ горы.

По дислокаціи войска располагались въ двѣ линіи: первая изъ восьми баталіоновъ, въ ротныхъ колонахъ, назначалась штурмовать завалъ; она имѣла между баталіонами по взводу артиллеріи; вторая изъ одной пѣхоты, снабженной на всякій случай шанцевымъ инструментомъ, лѣстницами и фашинникомъ, для устраненія препятствій при взятіи крутаго берега Мичика. За этими двумя линіями слѣдовала галваническая рота. Наступленіе должно было начаться орудійной канонадой, которая прерывалась только въ то время, когда войска, по данному сигналу, дѣлали общее движеніе впередъ и занимали новую позицію, въ ста саженяхъ отъ предъидущей. Въ разстояніи полутораста или двухъ сотъ саженъ отъ берега, первая линія должна была остановиться и ожидать появленія обходной колоны генерала Бакланова, выступившей изъ лагеря на разсвѣтѣ, подъ предлогомъ очередной колоны въ укрѣпленіе Куринское. Колона эта должна была переправиться черезъ рѣку Мичикъ недалеко отъ укрѣпленія Куринскаго, и ударить въ правый флангъ непріятеля.

Въ десять часовъ началась общая канонада. Мой взводъ былъ поставленъ вторымъ съ лѣваго фланга линіи и находился такъ да-

леко отъ центра перестрѣлки, что я, почти не видя предъ собою непріятеля, могъ хладнокровно наблюдать за ходомъ дѣла, стрѣляя только для того, чтобы не отставать отъ другихъ. По первымъ же нашимъ выстрѣламъ горцы бросились къ завалу. Изъ всѣхъ ущелій понеслись ихъ конныя партіи; онѣ быстро спѣшивались за ауломъ Гурдали, бывшимъ въ центрѣ атакованной позиціи, и скоро завалъ украсился нѣсколькими значками, свидѣтельствовавшими, что наибы имама не дремлютъ. Появленіе новаго значка сопровождалось выстрѣломъ вновь прибывшаго орудія горцевъ. Скоро, въ разныхъ мѣстахъ завала, начали дѣйствовать шесть орудій противъ нашихъ восемнадцати. По числу орудій состязаніе было далеко не ровное, но шансы уравновѣшивались выгодами позиціи горцевъ. Фронтъ ея на всемъ протяженіи прикрывался р. Мичикомъ, правый берегъ котораго былъ укрѣпленъ сплошнымъ заваломъ. Такія выгоды непріятельской позиціи дѣлали наши снаряды почти безвредными: большая часть ихъ засѣдала въ обрывистомъ берегѣ, или, перелетая завалъ, рикошетировала въ пустомъ аулѣ или въ чистомъ полѣ, и только небольшое число гранатъ, засѣвшихъ въ завалъ, или разорвавшихся тотчасъ же за нимъ, могло вредить непріятелю. Благодаря торопливости горцевъ, ихъ ядра тоже наносили намъ незначительный вредъ, перелетая по большей части чрезъ обѣ наши линіи. Толпы непріятеля постоянно прибывали; пѣшія партіи спѣшили на помощь опередившей ихъ конницѣ; завалъ, въ буквальномъ смыслѣ, былъ унизанъ высокими папахами чеченцевъ. Линіи наши двинулись впередъ и заняли новую позицію. Послышались ружейные выстрѣлы съ той и съ другой стороны; но разстояніе между сражающимися было такъ велико, что ружейная трескотня служила только акомпаниментомъ неумолкаемой орудійной пальбѣ, не нанося никому вреда. Натѣшившись вдоволь на этой позиціи, мы заняли, наконецъ, третью. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ разстоянія и съ увеличеніемъ опасности, взоры всѣхъ начали невольно обращаться на лѣвый флангъ, откуда ждали появленія Бакланова. Горцы, какъ бы для того, чтобы умѣрить наше нетерпѣливое ожиданіе, стали пускать ракеты, которыя поднимались высоко, и разорванныя гильзы ихъ черной змѣей спускались въ наши ряды. Но вотъ лѣвый флангъ нашей позиціи подалъ сигналъ; вдали послышалось знакомое ура.... Канонада на мгновеніе замолкла; орудія съ посаженной прислугой понеслись впередъ и, снявшись съ передковъ на самомъ обрывѣ лѣваго берега Мичика, открыли картечный огонь по заваламъ. Горцы въ первое время попятились назадъ, но, воодушевленные своими наибами и

муллами, скоро опять заняли завалъ и осыпали насъ градомъ пуль. Въ это время на правомъ флангѣ позиціи горцевъ появился Баклановъ.

Надо было видѣть эту несущуюся лаву кавалеріи. Казалось, ничто не въ состояніи было выдержать ея удара. Она уничтожала все, что ей попадалось на пути, и, проносясь чрезъ сбитыхъ горцевъ, оставляла заботу докалывать ихъ бѣжавшимъ за нею двумъ баталіонамъ Куринскаго полка. Паническій страхъ охватилъ непріятеля: чеченцы бросали оружіе, папахи, спѣша догнать свои, удиравшія съ поля брани, орудія. Въ эту минуту единственное желаніе всѣхъ было захватить лакомый кусокъ. Увы! ему и здѣсь суждено было ускользнуть изъ нашихъ рукъ. Уже пѣхота первой линіи карабкалась по крутизнѣ праваго берега рѣки. Вотъ, вотъ кавалерія нагрянетъ и отрѣжетъ путь отступленія орудіямъ; но, къ удивленію всѣхъ, кавалерія наша остановилась на маршъ-маршѣ, повернула направо и, вытянувшись въ линію, начала постепенно скрываться изъ виду. Передъ фронтомъ ея оказалась рѣчка Ган-су, вытекающая изъ противоположныхъ горъ и перерѣзывающая поперекъ всю равнину. Изъ нашего лагеря рѣчка эта казалась балкой, весьма удобной для перехода въ любомъ мѣстѣ; въ дѣйствительности, берега Ган-су были такъ же круты, какъ берега Мичика. И на этотъ разъ случай, или, лучше сказать, наше невѣдѣніе мѣстности спасло отъ захвата непріятельскую артиллерію. Пока кавалерія отыскивала удобный переходъ черезъ рѣку, она ускакала. Переправившаяся кавалерія возобновила атаку, но настигла только пѣшихъ чеченцевъ, неуспѣвшихъ перебѣжать поляну. Они пали жертвой, искупившей нашу неудачную погоню за орудіями.

И такъ, завалъ мичикскій былъ занятъ почти безъ потери. Я говорю «почти», потому что мы понесли дѣйствительно весьма незначительную потерю, сравнительно съ тою, какую могли ожидать. Занятіе съ бою этой позиціи, при устройствѣ завала по берегу Ган-су, по крайней мѣрѣ у устья ея, и при большей стойкости горцевъ, стоило бы намъ потери въ десять разъ большей. Теперь же позиція была брошена почти безъ сопротивленія.

Мѣсячный трудъ горцевъ былъ уничтоженъ въ полчаса. Пѣхота, саперы и галваническая рота принялись за работу; чрезъ нѣсколько минутъ, послышались взрывы на протяженіи всего завала; глыбы земли подымались на воздухъ и, опускаясь, погребали обезображенные трупы горцевъ, сложенные подъ заваломъ. По свѣжимъ могиламъ образовывались удобные всходы....

Большая часть войскъ остановилась на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ послѣдній моментъ боя. Дружное «ура» князю Барятинскому, благодарившему войска, проносилось по тому полю, которое, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, оглашалось ревомъ орудій. Радость выражалась на лицахъ всѣхъ. И было чему радоваться! Никто не воображалъ, чтобы этотъ день намъ стоилъ такъ дешево.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были разработаны переправы черезъ Мичикъ. Два баталіона, при взводѣ артиллеріи, были оставлены въ углу, образуемомъ Ган-су и Мичикомъ. Назначеніе этого передоваго отряда было сохранить за нами занятую позицію, такъ какъ всѣ дѣйствія отряда переносились за р. Мичикъ. Остальныя войска возвратились въ лагерь на Хоби-Шевдонскія высоты праздновать побѣду.

Самое веселое время въ быту военнаго — празднованіе побѣды. Взгляните на эти веселые кружки, на эти радостныя лица участниковъ, изъ которыхъ каждое такъ и пышетъ сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, что онъ имѣетъ полное право на пиршество. А сколько разсказовъ, и разсказовъ подъ часъ самыхъ неправдоподобныхъ—объ этомъ и говорить нечего. Иногда такъ и хочется остановить завравшагося, но мысль, что и самъ можешь невольно увлечься, останавливаетъ каждаго. Въ тотъ вечеръ, я думаю, въ особенности вралось много. Самый ходъ дѣла, въ которомъ не могло быть особенно отличившихся и въ которомъ всѣ принимали одинаковое участіе, способствовалъ тому. Но среди всѣхъ кружковъ невольно повторялось имя Бакланова; у всѣхъ врѣзалась въ память молодецкая атака кавалеріи съ несущимся впереди лихимъ начальникомъ; вездѣ предлагались тосты въ честь Бакланова и при этомъ всѣ невольно проклинали Ган-су — виновницу неполнаго успѣха. Пѣсни и крики ура раздавались въ лагерѣ до зари и, я думаю, не мало соблазняли баталіоны, торчавшіе на Мичикѣ и оберегавшіе спокойствіе нашего ликованія. Ихъ лагерь, бѣдно освѣщавшійся догоравшими аулами Большой и Малой Гурдали и Аку-юртъ, занятыми вмѣстѣ съ заваломъ и зажженными при отступленіи главнаго отряда, былъ какъ бы мертвъ.

Занятіемъ береговъ Мичика цѣль отряда была достигнута; теперь оставалось только уничтожить ближайшіе аулы, разработать дорогу и упрочить за собою навсегда это мѣсто устройствомъ укрѣпленія. Для рекогносцировки новыхъ нашихъ владѣній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для истребленія сосѣднихъ ауловъ были посылаемы двѣ колоны, 18-го и 25-го февраля. Онѣ прошли вверхъ по Мичику, разорили

аулы Дезлагашъ и Денги-юртъ и возвратились къ вечеру въ лагерь, принеся нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Между тѣмъ, заготовленіе матеріяловъ для будущаго укрѣпленія шло быстро. Кучи бревенъ и десятки тысячъ фашинъ красовались уже на мѣстѣ предположенной постройки, въ углу, образуемомъ Ган-су и Мичикомъ, и, какъ слышно было, ждали только утвержденія этого укрѣпленія, чтобы приступить къ постройкѣ. Но утвержденія-то и не послѣдовало; разсвѣтъ 1-го марта засталъ на мѣстѣ бывшаго лагеря догорающіе остатки нашихъ балагановъ и кухонъ. Заготовленныя бревна, фашины, туры, все, въ продолженіе ночи, было предано огню, и отрядъ тою же дорогою, которою пришелъ, возвратился въ Грозную. Здѣсь послѣдовалъ роспускъ отряда, или, точнѣе, переформированіе его, потому что большая часть тѣхъ же самыхъ войскъ перешла только въ Владикавказъ, присоединилась къ отряду генерала Вревскаго и черезъ двѣ недѣли уже карабкалась на Корпламскія высоты.

Мичикская равнина, вслѣдъ за уходомъ нашихъ войскъ, сдѣлалась опять на нѣкоторое время притономъ чеченцевъ, гнѣздившихся въ нашемъ сосѣдствѣ и тревожившихъ наши передовыя линіи до тѣхъ поръ, пока проектъ постройки Мичикскаго укрѣпленія не былъ приведенъ въ исполненіе.

А. В — ій.
